

Узакщныи детектив

Г•А•Л•И•Н•А

КУЛИКОВА

Рыцарь астрального образа



Хвост с пистолетом. Приключения  
сыщика Арсения Кудесникова

Галина Куликова

**Рыцарь астрального образа**

«ЭКСМО»

**Куликова Г. М.**

Рыцарь астрального образа / Г. М. Куликова — «Эксмо»,  
— (Хвост с пистолетом. Приключения сыщика Арсения  
Кудесникова)

ISBN 5-699-16507-X

Частный детектив Арсений Кудесников решил, что дельце ему досталось – раз плюнуть. Подумаешь – супружеская измена! Однако неверный муж Роман Сливка на поверку оказывается темной лошадкой. Он обладает даром чинить любые механизмы и, судя по всему, состоит в некоем тайном обществе. В ходе расследования Кудесникову придется поработать не только кулаками, но и головой – изучить творчество русской писательницы-медиума, разгадать тайну девушки, которая ни секунды не сидит на месте, и даже помочь одной весьма обаятельной бизнесвумен отомстить бывшему жениху. Где Кудесников со своим верным котом Мерседесом – там переполох! Разумеется, он отыщет преступника, совершившего несколько дерзких убийств! Но прежде провинциальный городок, куда сыщика привело расследование, будет перевернут вверх дном и поставлен на уши!

ISBN 5-699-16507-X

© Куликова Г. М.

© Эксмо

## Галина Куликова

# Рыцарь астрального образа

– Конечно, он мне изменяет! И вы должны в лепешку расшибиться, но добыть доказательства!

Виктория Сливка стукнула ладонью по столу с таким видом, словно поставила печать на приказе. Маленькая и плотная, на мускулистых ногах, она представлялась воительницей, сражающейся за семейные устои. Короткая стрижка «под Шерон Стоун» решительно ей не шла, а лишь усугубляла дефицит женственности.

Частный детектив Арсений Кудесников, сидевший напротив нее в самом центре бумажного хаоса, достал из стаканчика карандаш и занес его над чистой страницей блокнота.

– Готовитесь к разводу? – уточнил он.

– Не собираюсь я разводиться! – вскричала клиентка в ответ на его реплику. – Я хочу сохранить семью. Но для этого мне нужно иметь на руках хоть какие-то козыри!

Кудесников вздохнул. Можно подумать, что, поймав мужа с поличным, она улучшит семейные отношения.

– Расскажите все с самого начала, – попросил он. – Когда у вас зародились подозрения? И почему? Вы видели его с другой?

– Если бы я его видела! – Виктория сжала кулаки и потрясла ими перед грудью. – Я бы ему!..

Впрочем, гнев почти тотчас сменился бурными слезами. Кудесников достал из ящика дежурный носовой платок и протянул через стол. Его восхищала способность женщин, не сходя с места, находить убедительные причины для того, чтобы расплакаться. Он перестал открыто сочувствовать клиенткам, когда понял, что это сильно осложняет переговоры. Обманутые жены похожи на летних клещей – упав с одной шкуры, они в целях выживания стремятся намертво вцепиться в другую, как правило, первую попавшуюся.

– Как он мог?!

– Я понимаю... Вы съели с ним пуд соли, и все такое...

– Нет, это я, я съела весь пуд! За себя и за него! А он...

В этот драматический момент в дверь легонько постучали, и на пороге возникла секретарша Кудесникова Лиза с выражением мрачной решимости на лице. В руке она сжимала телефонную трубку. В трубке громко рокотало и булькало.

– Босс, Алиса Маврушкина звонит. Уже в седьмой раз. Говорит, что, если вы сейчас же не ответите, она отравится.

Секретарша была вставлена в аккуратный темно-серый костюмчик, классику отечественного офисного стиля, и обута в черные туфли с пряжками, украшенные стразами. Когда шкодливое солнце врвалось в кабинет, плава ребрышки жалюзи, стразы вспыхивали пожаром и слепили глаза. Именно из-за этих туфель Кудесников заметил, что Лиза очень давно приходит на работу в одной и той же одежде. Спросить об этом у дамы означало смертельно ранить ее гордость – уж это-то Арсений отлично понимал. Поэтому молчал, конечно. Но тайна серого костюма и черных туфель мучила его отчаянно, и несколько раз он даже готов был провести внутреннее расследование. Он платил Лизе нормальную зарплату, достаточную, чтобы купить еще хотя бы один наряд, пусть и недорогой. И еще одну пару обуви.

Когда он принимал Лизу на работу, то очень серьезно отнесся ко всем деталям ее биографии. Она была одинока, не имела на попечении родственников и располагала личной жилплощадью. Тем не менее у костюмчика не было сменщика. Но выглядел он всегда чистеньким и аккуратненьким. Арсений однажды ухитрился попробовать материю на ошупь, когда секретарша повесила пиджак на спинку стула и вышла в туалет. Какая-то синтетика, не иначе.

Вероятно, она стирает его в тазу, а потом сажает на плечики и вешает над тазиком, чтобы он «стек». Наверняка костюм успеваешь высохнуть до утра. Она надевает его и поливает антистатиком, чтобы не трещал и не искрил.

Скудный гардероб секретарши против воли рождал в душе Кудесникова сочувствие. Он боролся с ним изо всех сил и частенько перебарщивал. Вот и сейчас одернул ее слишком резко.

– Ты же видишь, Лиза, я занят! – раздосадованно воскликнул он. – Я перезвоню ей позже. Не сейчас.

Секретарша, однако, не собиралась уходить и упрямо наклонила голову, словно хотела продемонстрировать заколку, закусившую ее волосы на затылке.

– Госпожа Маврушкина пообещала, что съест все таблетки, какие есть у нее в аптечке, – предупредила она.

– Предложи ей начать со слабительного – это отсрочит самое страшное, – распорядился Кудесников.

Лиза фыркнула, но все-таки вышла, захлопнув за собой дверь. Она была умна, деятельна и довольно привлекательна. И немножко влюблена в босса. Свою симпатию пыталась замаскировать, но делала это плохо, как все одинокие тридцатилетние женщины, измотанные ожиданием счастья. К настоящему моменту она знала о личной жизни Арсения больше, чем могла бы знать его родная сестра. Именно Лизе приходилось с близкого расстояния наблюдать за тем, как босс флиртует, крутит романы и, мастерски лавируя, уходит от серьезных отношений.

– Итак, Виктория, – снова обратился детектив к рыдающей клиентке, подавшись вперед. – Вы считаете, что муж вам изменяет, но фактов у вас нет.

– Нет фактов! – простонала та, выглянув из носового платка. Лицо ее к этому времени потеряло вид: веки набрякли, а белки покрылись багровыми прожилками. – Но я уверена! Моя интуиция просто вопит об этом!

– Если ваши предположения подтвердятся...

– А ведь мама меня предупреждала! И что теперь скажут родственники?!

Кудесников закатил глаза. Некоторые люди поражали его. Их жизнь рушилась, а они опасались того, что подумают другие!

Клиентка наконец оторвалась от платка окончательно и явила миру жуткую маску отчаянья.

– Почему это случилось именно со мной?! – задала она сакраментальный вопрос.

– У вашего мужа подходящий возраст для того, чтобы увлечься новой женщиной, – доверительно сообщил Кудесников, но не довел свою мысль до конца.

Дверь кабинета во второй раз приоткрылась, образовав щель, в которую просунулся острый нос секретарши.

– Что? – раздраженно крикнул он. – Маврушкина наконец покончила с собой?!

– Нет, она едет сюда, – сообщила Лиза. – Что делать?

– Опломбируй дверь, – посоветовал он. – Или вызови спасателей. Или достань из шкафа ракетницу и подстрели ее, когда она будет выходить из машины. Только ради всего святого – оставь меня в покое!

Острый нос негодуя пошевелил ноздрями и скрылся.

– Десять лет брака! – воздела руки к небу Виктория Сливка, озабоченная исключительно собственными проблемами.

– Вот именно, – поддакнул Кудесников, немедленно решив, что, когда состарится и не сможет больше заниматься оперативной работой, откроет семейную консультацию. – После десяти лет брака каждый нормальный муж подумывает сбежать из семьи.

– Ведь не все сбегают!

– Но все хотят. Есть лишь три причины, которые могут удержать мужчину от измены после десяти лет брака. Причина первая: муж слишком ленив для того, чтобы начинать заново

за кем-то ухаживать. Причина вторая: он тряпка и боится, что его интрижка станет известна жене. И третья причина: он – импотент. Во всех остальных случаях измена неминуема.

– А как же любовь? – с детской обидой за поправленные светлые чувства спросила клиентка. – Вы не допускаете, что после десяти лет брака муж все еще любит свою жену?

– Нет, – покачал головой Кудесников. – Не допускаю. Вдумайтесь только – целых десять лет! Представьте, что вы в течение десяти лет каждый день надеваете одни и те же туфли. Когда вы открываете шкаф и видите их, вас начинает тошнить. Тем более что вы отлично знаете, чего ждать от этой проклятой пары обуви: она скрипит, промокает во время дождя и натирает пятки. Вы любите своего мужа? – резко спросил он и лег грудью на стол. – Вы убеждены, что жизнь без него потеряет смысл?

– Я не собираюсь уступать его кому-то другому! – отрезала Виктория, шмыгнув носом. – Я привыкла... к своим старым туфлям. Мне в них удобно.

Минуту Кудесников молчал, потом вздохнул и кислым голосом заключил:

– Что ж, тогда по рукам. Хотя зря вы отказываетесь от развода. После него мужчины отдыхают морально, а женщины физически.

Он всегда начинал с того, что отговаривал клиентов от слежки за супругами. И делал это искренне, как добросовестный врач, отговаривающий хорошенькую, но мнительную девушку от пластической операции. Впрочем, это никогда не помогало.

– Тогда перейдем к фактам. Вам придется ответить на несколько вопросов.

Он решил ограничиться минимумом, а остальную информацию в случае необходимости добрать по телефону. Если Маврушкина мчится, не разбирая дороги и игнорируя светофоры, она будет здесь с минуты на минуту.

– Отвечайте коротко и внятно, – потребовал он, радуясь тому, что Виктория перестала рыдать.

Рыдающая женщина отнимает у мужчин слишком много жизненных сил. Кроме того, ее ведь не вытолкаешь за дверь всю в слезах. Сказать по правде, именно этого Арсению хотелось сейчас больше всего.

Следить за неверными мужьями и женами сыщику приходилось все чаще. Люди безрасудно тратили денежки на то, чтобы усмирить или раззадорить свою ревность. Арсения это изумляло. Или ты хочешь жить с человеком или нет – решение просто не может зависеть от глупых интрижек на стороне. Тем не менее сотни мужчин и женщин продолжают сознательно причинять себе боль, желая докопаться до правды.

Поиски правды Кудесников сделал своей профессией. Природные данные позволяли ему зарабатывать собственным умом – он был смелым, ловким и хитрым. К проблемам относился легко и научился уворачиваться от неприятностей. Ему часто доводилось бывать в переделках, и он привык к риску, как иные привыкают к сидячему образу жизни.

Женщины были от него без ума, поскольку в период ухаживания он блистал, подобно восходящей звезде в шекспировской пьесе, хотя впоследствии и вкладывал в отношения слишком мало чувств. Втянутый в очередной бурный роман, Арсений всегда ухитрялся вовремя остановиться или свернуть в сторону. Оставляя после себя кладбища разбитых сердец, он не испытывал угрызений совести, ибо никогда никому ничего не обещал. Впрочем, женщины частенько об этом забывали. Вот Маврушкина, например...

– Полное имя вашего мужа? – спросил он вслух.

– Роман Петрович Сливка, – охотно ответила Виктория и длинно высморкалась в предоставленный сыщиком платок. – Ему сорок один год, рост сто семьдесят сантиметров, вес девяносто восемь килограммов.

Она выстреливала цифрами с такой скоростью, будто заранее специально измерила и взвесила неверного супруга.

– Опишите его.

– Он упитанный, лысоватый, в очках, очень представительный, походка важная. Ой, да я ведь принесла с собой фотографию!

Она покраснела, потому что собиралась с этой самой фотографией идти к ясновидящей, которая обещала вернуть мужа в семью «с гарантией в двести процентов». Однако подруга-финансист убедила ее, что, когда проценты так безбожно завышаются, клиентов хотят надуть, поэтому ясновидящую заменил частный детектив, рекомендованный давней знакомой.

Кудесников поднес к глазам фотографию, с которой смотрел на него ужасно серьезный толстощекий тип со взъерошенными волосами, отступившими назад под натиском крутого лба. Поднятые плечи, поглотившие шею, свидетельствовали скорее о неуверенности в себе, чем о лишнем весе. Массивные очки казались частью брони, которая должна была защищать этого парня от особо агрессивных двуногих. По мнению Кудесникова, если Сливка и вступил в общество повес и ловеласов, то по чистой случайности.

– Чем он зарабатывает на жизнь? – Сыщик в тревоге поглядывал на часы и прислушивался к звукам, доносившимся с улицы.

– Служит в крупной компании, которая занимается поставками торгового оборудования. Компания называется «Золотой круг». У Романа должность заместителя директора отдела продаж, и он часто ездит в командировки – правда, все больше краткосрочные. Сегодня вечером опять отправляется в путь.

– Сказал куда?

– Он, конечно, не сказал, но я и сама знаю! В Аркадьев он едет. Я подслушала, как он по телефону билет себе заказывал.

– Это недалеко, – обрадовался Кудесников, которому страсть как не хотелось пускаться в долгое путешествие в такую жару. – Вы полагаете, что в Аркадьеве у него кто-то есть? Или он изменяет вам направо и налево – как только представляется случай?

– Если у него кто-то и есть, то именно в Аркадьеве, – отрезала клиентка. – Роман все время рассказывает, что его отправляют то туда, то сюда... То в Тулу, то в Пензу... Я сначала верила, но потом кое-что в его поведении показалось мне странным. Я стала обшаривать его карманы и просматривать записи в ежедневнике. Тут-то все и вскрылось!

– То есть он говорит, что едет в Тулу или в Пензу, а на самом деле – в Аркадьев?

– Вот именно. Как будто ему там медом намазано.

– А вам не приходило в голову просто взять и спросить у него?

– Приходило. Он рассердился, что я за ним слежу, и мы поругались. Но потом, позже, когда помирились, муж сообщил мне, что у его фирмы в этом населенном пункте филиал. А то, что он иногда едет не туда, куда говорит мне, так это руководство виновато. Меняет маршрут в самый последний момент.

– Значит, филиал... Это легко проверить.

– Я на сто процентов уверена: там не только филиал, там еще и женщина! Почему он скрывал эти свои короткие поездочки? Конечно, из-за нее! Боялся, что столь частые вылазки в одно и то же место меня насторожат. У вас есть какое-нибудь другое объяснение этим заездам, кроме того, что Роман мне изменяет?!

– Пока нет, – покладисто ответил Кудесников и тут же уточнил: – Вы сказали, кое-что в его поведении показалось вам странным. Что именно?

– Он стал заниматься домом, – насупилась Виктория. – Вот в воскресенье плитус прибил...

– И поэтому вы решили, что он вам изменяет? – осторожно уточнил Кудесников.

– Конечно! Он починил тостер и даже кухонный комбайн! Хотя прежде сроду ничего по дому не делал.

Кудесников оторопело смотрел на нее, лихорадочно пытаясь нащупать связь между починенным тостером и циничной изменой.

Заметив его изумление, Виктория пояснила:

– Он испытывает чувство вины! Неужели вы не понимаете?!

Кудесников, который никогда не испытывал чувства вины, меняя одну женщину на другую, сделал умное лицо. Кажется, жена сбежала от него именно потому, что он ни в чем не ощущал себя виноватым. Впрочем, собирая чемоданы, она так вопила, что он просто не успел разобраться в деталях.

Единственным, что осталось у него после развода, был роскошный персидский кот по кличке Мерседес, которого Кудесников нежно любил и повсюду таскал с собой, уверенный в глубине души, что животное не может прожить без него ни дня. Животное это быстро просекло и беззастенчиво пользовалось своим привилегированным положением. В настоящий момент оно возлежало на столе секретарши, разложив хвост на раскрытой папке с бумагами. Лиза то и дело отодвигала хвост шариковой ручкой, и тогда Мерс оглядывался на нее с недовольной мордой.

– Лиза, мне нужен билет до Аркадьева, – сообщил Кудесников, распахнув дверь в приемную. – На поезд, который отходит... – Он повернулся к Виктории, приподняв брови.

– В шестнадцать ноль-ноль, – быстро ответила та, оторвавшись наконец от стула. Помолчала и злобно добавила: – Под ночь едет, подлюка.

Они по очереди подписали подготовленный секретаршей договор, утрясли финансовые вопросы и наконец расстались, обменявшись контактными телефонами. На прощание Виктория Сливка так сильно потрясла руку Кудесникова, как будто хотела передать ему свою ярость.

Затворив за ней дверь, сыщик приник к окну, высматривая внизу красную спортивную машину, на которой носилась по городу Алиса Маврушкина.

– Сами сто раз говорили, что клиентки – это священные коровы, – заметила за его спиной секретарша. – И что нельзя позволять втягивать себя в личные отношения.

– Да она мне и не понравилась совсем, – буркнул Кудесников, не отрываясь от окна.

– Я имею в виду Маврушкину.

– Ах, ее... Но там все было честно! Сначала, если ты помнишь, я закончил работу.

Год назад красавица Алиса вышла замуж за крутого бизнесмена, оказавшегося на поверку отпетым бандитом, который зарабатывал денежки нечестным путем. Желая вернуть первобытную ревностью и запугал до потери пульса. И вот некоторое время назад тиран Андрей Маврушкин после очередного загула сгорел в загородном доме вместе с пьяными друзьями. По крайней мере, к такому выводу пришло следствие.

Однако Алиса в смерть мужа не поверила. С ужасом ждала она, когда в дверь постучат и на пороге появится живой и невредимый супруг с кривой ухмылкой на лице. Ожидание сводило ее с ума, и, чтобы унять страх, бедняга наняла Кудесникова, присутствие которого в доме должно было придать ей уверенности.

Кудесников честно отработывал гонорар – с мужественным видом разгуливал по комнатам и саду, время от времени доставал пистолет и даже продемонстрировал несколько эффектных силовых приемов, уложив на обе лопатки садовника Алисы.

Впрочем, будучи натурой деятельной, долго Арсений не выдержал. Убедил клиентку прекратить истерику, принять свое вдовство как факт и жить спокойно и счастливо. Утром они завершили деловые отношения, а уже вечером Маврушкина позвонила «просто так». Роман оказался бурным и выбил частного сыщика из колеи на целых две недели. Секретарша рвала и метала. Затем все так же быстро закончилось, но вот теперь, кажется, начинается снова.

– Что она говорила? – спросил Кудесников, повернувшись к Лизе лицом.

Та невольно покраснела, как бывало всегда, когда шеф смотрел прямо на нее беззастенчивыми голубыми глазами. Он был высоким и худым, но при этом довольно плечистым. Из тех счастливиц, которые отличаются врожденной грацией – на них приятно смотреть. Они

артистичны и изящны, не спотыкаются на ровном месте и не сталкивают локтями стаканы со стола.

– Она говорила... – Лиза потупилась и быстро закончила: – Она говорила, что у нее для вас срочное сообщение.

– Какого рода сообщение?

Кудесников подошел вплотную к столу, но, как оказалось, лишь для того, чтобы почесать Мерседеса за ухом. Он видел, конечно, что Лиза к нему равнодушна, и один раз даже готов был пойти ей навстречу, но передумал. После того как ты связался с собственной секретаршей, у тебя есть только два выхода – подарить обручальное кольцо или подписать ей заявление об уходе. Жениться Кудесников не собирался, лишаться хорошего работника тоже. Поэтому продолжал делать вид, что Лиза его вовсе не интересуется.

– Она не сказала. Она была в истерике – буквально захлебывалась словами. Требовала вас, и точка!

– По моим расчетам, Алиса уже давно должна была примчаться сюда.

Лиза пожала плечами и холодно предложила:

– Я могу ей перезвонить.

– Упаси господь! – Кудесников посмотрел на часы и добавил: – У меня и так осталось слишком мало времени, чтобы подготовиться к поездке.

Мерседес приоткрыл правый глаз и внимательно посмотрел на хозяина. Похоже, он уже научился понимать слово «поездка». Трудно сказать, нравятся ли коту служебные командировки – он одинаково охотно спал в уютном домашнем кресле, на вокзальных скамейках, в сумках, на заднем сиденье автомобиля, на коленях у хозяина, а также в его офисе.

Лиза отлично понимала, какой смысл вкладывал босс в слово «подготовиться». Речь шла вовсе не об укладывании вещей – дорожная сумка всегда стояла в его кабинете. Кудесникову необходимо было собрать первоначальную информацию об объекте. Или хотя бы проверить ту, которой снабдила его Виктория. Жены часто обращают внимание на всякие глупости, а важные вещи упускают из виду. Возможно, город Аркадьево тут совершенно ни при чем. Просто в этом самом Аркадьево есть бар, где цыплячки крылышки жарят именно так, как любит Роман Сливка. И он готов потратить день на то, чтобы отдохнуть после командировки за кружкой пива именно в этом самом баре. А любовная интрижка у него с продавщицей из супермаркета, который находится возле дома. Или с моложавой соседкой, приятельницей жены. Или даже с ее кухней, которая приезжает к ним на каждые праздники, пропитанная фантазийными духами, с тортиком «собственного сочинения» в руках.

Кудесников не исключал даже того, что Виктория ошибается и ее муж невинен, как ягненок. Да, мужчины порой кое-что скрывают от жен, но часто лишь потому, что им неохота пускаться в объяснения и отвечать на бесконечные вопросы.

\* \* \*

Его мать выглядела очень даже ничего себе. Высокая, статная, со смеющимися глазами, она привлекала к себе внимание, и это ей нравилось. Наверное, когда ей стукнет восемьдесят, она все равно будет подкрашивать губы и тратить три часа на то, чтобы подобрать к костюму подходящий шарфик.

Они стояли возле новенького, недавно возведенного особнячка и, задрав головы, обозревали фасад. Даже прикладывали ладони ко лбу козырьком, чтобы лучше видеть все нюансы. Антон Парамонов переживал свою радость молча, а мать постоянно похлопывала его по спине и говорила какие-то приятные слова.

– Твое собственное дело, – заключила она с удовольствием. – Жаль, что твой отец этого не видит.

– Он в меня никогда не верил, – отрезал Антон.

– Поэтому особенно жаль, – усмехнулась мать и первой направилась к машине. – У тебя, кажется, нет шофера, ты водишь сам?

– Сам, сам, – проворчал он. – Я ведь не чемодан, чтобы меня возили на заднем сиденье.

Антону было тридцать с хвостом, и ему очень нравилась жизнь, которую он вел. Он любил работать и был горд тем, что эта любовь принесла плоды. Подождав, пока мать усядется, он потребовал, чтобы она пристегнулась ремнем безопасности. Потом вырулил со стоянки на улицу и медленно поехал вдоль тротуара. Через дорогу от его особнячка громоздилось современное многоэтажное здание, поделенное между крупными и мелкими фирмами. Большинство работников завершили трудовой день еще в шесть часов, а остальная офисная братия как раз сейчас высыпала на улицу и растянулась по тротуару длинной вереницей.

Город изо всех сил боролся с чудесным летним вечером, подаренным природой. Сладкий воздух пропитался автомобильными выхлопами, редко стоящие липы свирепо поглощали углекислый газ, но это не приносило ощутимых результатов. Было шумно, пыльно и душно. Машины похрипывали, раздраженно тычась друг в друга на светофорах. Люди с одинаково озабоченными лицами стремились к метро с такой целеустремленностью, как будто слышали из-под земли таинственный зов.

– Мам, видишь ту женщину? – спросил Антон, притормозив и неопределенно мотнув головой.

По тротуару дефилировало множество женщин, но его мать мгновенно опознала ту самую, о которой шла речь. На ее взгляд, ничего особенного. А впрочем...

– Какую? Вот эту? В сером костюме, да?

У матери был легкомысленный тон. Она ожидала, что сын сейчас сделает какое-нибудь шутовское замечание. Он обожал цепляться к девицам и выносить каждой «приговор, не подлежащий обжалованию».

– Эту.

– Да, вижу.

– И как она тебе?

– Ну... Как, как? – Мать быстро посмотрела на собственное чадо и с энтузиазмом добавила: – Нравится! А что?

Антон улыбнулся, нажал на газ и помчался к перекрестку, бросив довольный взгляд в зеркальце заднего вида.

– У меня с ней роман.

Мать молниеносно развернулась, но было уже поздно, они отъехали слишком далеко, и рассмотреть избранницу сына как следует не представлялось возможным.

– Почему ты не посадил ее в машину?! – возмутилась она, всплеснув руками.

Антон хмыкнул и пояснил:

– Она бы не села. Дело в том, что мы еще незнакомы. Я даже не знаю, как ее зовут.

– А как же ты говоришь, что у тебя с ней роман? – опешила мать.

– Это правда. У меня – с ней. Это односторонний роман. Из окна моего кабинета видно ее рабочее место. Полагаю, она секретарша. Вся ее жизнь – по будням, разумеется, – у меня как на ладони. Я подумал, что мне нужно жениться на ней.

– Ты с ума сошел, – отмахнулась мать, решив, что он валяет дурака. Но потом все-таки добавила: – Ты должен жениться по любви, иначе все испортишь.

– Что – все?

– Все! – отрезала мать. – Все, что тебе в жизни нравится, будет загублено. Мечты не сбываются. Воспоминания начнут тяготить. Появится куча проблем, которые не захочется решать. Так что подумай хорошенько.

Он думал об этом уже третий месяц. Но так и не рискнул познакомиться с «женщиной в окне». Познакомиться – это все равно что потрогать руками мыльный пузырь. Или принести перо жар-птицы в научную лабораторию. Знакомство – своего рода заземление мечты.

– Однажды она целых три дня не выходила на работу, и я чувствовал себя несчастным, – сообщил он матери, которая только головой покачала:

– Бедная девушка, она наверняка не догадывается, что за ней следят. Мне кажется, это как-то неэтично.

– Но я ведь слежу за ней не из корыстных соображений. Кроме того, не вторгаюсь в ее личное пространство. Мои устремления чисты и романтичны. И я бы не назвал ее девушкой, ма. Она, вероятно, моя ровесница.

– Тогда она может быть замужем.

Антон некоторое время раздумывал, потом покачал головой:

– Нет, она не замужем. И у нее нет детей.

– Тогда хорошо. – Мать мечтательно вздохнула и добавила: – Несмотря ни на что, мне нравится, что у тебя приключение.

Антон не стал вдаваться в подробности. Наверное, это можно считать игрой. Он состоялся, в его жизни было все, кроме, пожалуй, романтики. Молодость ускользала, унося с собой остроту чувств и впечатлений. В какой-то момент ему захотелось встряхнуться, начать что-то новое, необыкновенное... И тут он увидел ее.

Это словечко – приключение! – всплыло в его сознании на следующий день, когда все случилось. Он возвратился в офис после деловой встречи и пешком взлетел на третий этаж, провожаемый восхищенными взглядами женского технического персонала. Молодой неженатый шеф, статный, элегантный, с шапкой кудрявых светлых волос, будоражил воображение как юных, так и уже начавших увядать барышень. Антону нравилось, что с его появлением ритм жизни на фирме не меняется, никто не начинает мелко суетиться и изображать бурную деятельность.

Только помощница Ирина, когда он появился в приемной, поспешно поднялась на ноги. Да и то лишь для того, чтобы успеть подсунуть ему на подпись срочные бумаги. Впрочем, ей это не удалось: он отмахнулся от бумаг и захлопнул за собой дверь кабинета. Подошел к столу, швырнул в кресло портфель и сразу же повернулся к окну.

И замер.

Он сразу увидел ее – бледную и испуганную. Его кабинет находился на третьем этаже, а ее – на втором, прямо напротив. Она никогда не закрывала жалюзи и часто смотрела в окно, только не вверх, а вниз, на улицу. Кажется, ей нравилось разглядывать пешеходов.

Кроме нее, в комнате находились два бугая, оба стриженные под машинку и оба в гавайках – с таким же веселым рисунком, как занавески у Антона на даче. Один из них притиснул секретаршу к стене, сжав у нее на горле огромную лапищу – даже издали были видны красные костяшки. То и дело он встряхивал бедняжку и что-то говорил ей прямо в лицо – она морщилась и плотно сжимала губы. Потом вдруг бугай замахнулся, и у Антона потемнело в глазах.

Он вылетел из кабинета с такой скоростью, словно был снабжен реактивным двигателем – мелькнуло изумленное лицо Ирины, потом испуганного директора, которого он отбросил с дороги, озадаченные физиономии уборщиков, тащивших по лестнице инвентарь. Взмахнули стеклянные крылья входной двери, проскакала разметка пешеходного перехода, который он пересек, не останавливаясь – вслед ему несли визг тормозов и нецензурная брань.

Антон даже не махнул охранникам, чтобы те следовали за ним – кажется, он плохо соображал и не задумывался над тем, сладит ли один с бандитами. Возможно, у них имелись пистолеты, их могло быть не двое, а четверо. Все эти мысли пришли ему в голову гораздо позже. В тот момент его гнал вперед мощный инстинкт воина. Он всегда ощущал себя воином, с самого

детства. С тех пор, как мать начала оставлять на его попечение маленькую сестренку. Он чувствовал себя сильным и мужественным, и от гордости за себя у него сжималось горло.

Вахтер, тарасившийся из своей стеклянной будки, даже бровью не повел – бежит себе человек, и ладно. Может, срочное дело у него. Выглядит прилично, в руках нет ничего эдакого – воспламеняющегося там или колюще-режущего. Костюмчик светлый, дорогой на вид – не бомж какой-нибудь.

Антон взлетел по ступенькам на второй этаж, заметался, пытаясь сообразить, в какую сторону бежать, наконец выбрал нужное направление, распахнул одну дверь, вторую...

Третья дверь оказалась той самой. Антон дернул ручку, едва не вырвав ее «с мясом», и очутился на пороге небольшой комнаты лицом к лицу с дамой своего сердца. Головорезов в гавайках не было и в помине. Дама его сердца выглядела расстроенной и слегка встрепанной, но ничуть не испуганной.

– Опять? – спросила она, сдвинув брови и сделав шаг вперед, словно загораживала дорогу. – Я уже все сказала вашему Маврушкину!

Антон несколько секунд смотрел на нее неотрывно. Вблизи она показалась ему еще привлекательнее, чем на расстоянии. Аккуратный овал лица, скромный ротик и ярко-зеленые глаза – выразительные и прекрасные. Наверное, зря он так долго откладывал знакомство.

– Ну так что же? – нетерпеливо спросила она. – Чего вы хотите?

– На самом деле я не знаю никакого Маврушкина, – с обезоруживающей улыбкой признался Антон. – Я просто... Черт. Видите ли...

Он понятия не имел, как объяснить ей свое вторжение. Рассказать, что он бросился к ней на помощь по зову сердца? Потребовать, чтобы она вызвала милицию, и выступить в роли свидетеля? Малоприятная перспектива.

– Как вас зовут? – спросил он в конце концов.

– Лиза. – Она энергично моргнула несколько раз, словно разгоняла своих личных призраков. И неожиданно хлопнула себя по бокам, воскликнув: – Так вы клиент?

Антон открыл было рот, чтобы возразить, но тут же передумал. К клиенту она наверняка отнесется более чутко, чем к незнакомцу, который подглядывает в окна. Придется показывать, где находится его кабинет. А если показать, его потаенные чувства будут выглядеть пошло.

– В общем... да. Я клиент. Разумеется.

– О! – Лиза отступила в сторону и сделала приглашающий жест рукой. – Заходите, пожалуйста. К сожалению, босса в настоящий момент нет на месте. Но я могу записать вас...

Она понятия не имела, как скоро Кудесников изобличит вероломного Сливку. Обычно подобная работа отнимала у него не больше двух дней, если внебрачная связь действительно имела место и любовники не принимали особых мер предосторожности. Удержать клиента самостоятельно, заставить его отложить дело будет трудно. Однако упускать его тоже не хотелось. Лиза чувствовала смятение незнакомца и испытывала жгучее желание помочь ему. Он был симпатичным и смотрел на нее во все глаза, как первоклассник на свою первую учительницу.

Антон действительно испытывал смятение. Он понятия не имел, куда попал. В какой фирме она работает? Конечно, он не посмотрел на вывеску, когда мчался ее спасать. Придется импровизировать.

– Меня зовут Антон Парамонов. – Он протянул руку и замер в ожидании.

– Здрасьте, – оживленно ответила Лиза и двумя руками потрясла его кисть. – Если вы можете потерпеть день или два, Кудесников обязательно примет вас лично. Если ваша ситуация... М-м-м... Не обострится за это время.

«Потерпеть? Не обострится? Вероятно, этот Кудесников – доктор, – решил Антон. – Интересно только, какого профиля? Надеюсь, он офтальмолог или дантист, а не специалист по лечению каких-нибудь жутких болезней, о которых и думать-то не хочется».

– Садитесь, – предложила между тем Лиза и толкнула в его сторону здоровенное кресло на колесиках, которое надвинулось на гостя с таким скрежетом, словно собиралось проглотить его и выплюнуть косточки.

Антон со всего маху плюхнулся на него, и кресло протестующе взвизгнуло. А когда он откинулся на спинку, закрипело всеми суставами. На столе стояла большая керамическая пепельница и лежала зажигалка.

– Можно закурить? – спросил Антон с кривой ухмылкой.

Курил он редко, впрочем, нервничал тоже. Давненько его не прошибал холодный пот просто потому, что рядом находилась ОНА. Лет с девятнадцати, наверное. Надо же, какой пассаж. Вот уж влип так влип. Ему неожиданно стало весело оттого, что он так разволновался.

– Пожалуйста, пожалуйста, курите, – откликнулась Лиза, обошла стол и уселась на свое рабочее место.

Антон обежал взглядом интерьер и воровато опустил глаза. Ему хотелось разглядеть детали, потому что издали обстановка выглядела совсем иначе. Он достал сигареты и, вытащив одну из пачки, принялся вертеть ее в пальцах. Дама сердца смотрела на него не мигая.

– Итак, – наконец произнесла она, – давайте поговорим. Как я уже сказала, Кудесникова сейчас нет, но очень скоро он появится и займется вами. Займется лично. – Она со значением наклонила голову. – И я понимаю: раз уж вы пришли к нему, у вас наверняка серьезная проблема. Допускаю, что она связана с женщиной.

«Да... Судя по всему, этот Кудесников никакой не дантист», – с тоской подумал Антон. Прикурил, сделал две короткие затяжки, деликатно выпустил дым в сторону окна и спросил:

– А я могу рассчитывать на...

– Конфиденциальность? – закончила за него Лиза и с энтузиазмом добавила: – Конечно! Всякий, кто приходит сюда, может быть уверен, что о его проблеме не узнает ни одна живая душа. Это же профессиональная этика!

В душу Антона закралось ужасное подозрение, что находящийся в отлучке Кудесников возвращает несчастным, замученным стрессами бизнесменам их мужскую силу. Смущение проступило на его щеках двумя алыми пятнами. Так краснеют молодые деревенские парни, когда на них налетает стая языкастых девчат. Как выйти из положения, он понятия не имел. Признаваться в обмане ужасно не хотелось. Но и предстать перед Лизой в невыгодном свете тоже.

– У меня совершенно другое дело к вашему Кудесникову, – поспешно сказал он, не придумав ничего лучшего. – Не такое, с какими к нему обращаются другие. – И посмотрел на нее тревожным взглядом.

– Я все понимаю, – кивнула Лиза.

Конечно, она ему не поверила. Антон видел это так ясно, как будто умел читать мысли на расстоянии. Вероятно, половина мужиков, сидя в этом самом кресле, рассказывает истории, которые произошли «с их лучшим другом».

– Кудесников сделает все возможное, он просто волшебник, поверьте мне! Кстати, сейчас он как раз на одной важной операции.

– Мне не нужна операция! – возразил Антон и бросил произвольный взгляд на окна своего кабинета.

Они сверкали, словно расплавленное золото – томное послеобеденное солнце стекало по стеклам и капало на карниз. На карнизе, в солнечной жиже, барахтались два голубя, расправляя крылья, толкаясь и важничая.

– Я понимаю, – кивнула Лиза. – Вам нужна только малюсенькая помощь. Но вы попали как раз по адресу: Кудесников виртуозно справляется с малюсенькими проблемами! – И отважно добавила: – А я ему помогаю.

– Вот как? – удивился Антон. – А на какой стадии – до или после операции?

– Разумеется, до, – охотно ответила его собеседница. – Или даже во время. Женщина иногда может быть очень полезна в таких делах.

– Понимаю... – Антон некоторое время задумчиво курил, а потом с неожиданным азартом предложил: – А что, если мы начнем подготовку к операции без Кудесникова? Встретимся где-нибудь, пообщаемся... наедине.

– Мы уже общаемся наедине, – напомнила она. – Вот сейчас.

– Считаете, это подходящий момент для того, чтобы поднять, так сказать, мой боевой дух? – На его лицо упала тень забавного недоверия.

– Почему бы нет? У вас достаточно времени? – В ее голосе звучала такая нежная забота, словно он лежал тут умирающий и просил о последнем одолжении.

– Времени? – Он снова посмотрел на свои окна и решительно затушил сигарету в пепельнице. – Времени навалом. Чтобы не дышать на вас табаком, я, пожалуй, съем конфетку.

Он схватил леденец из вазы, стоявшей на самом уголке стола. Разбирая бумаги, Лиза всегда лопала конфеты, он это отлично знал. А из фантиков скатывала круглые шарики и швыряла их в урну через всю комнату. Почти никогда не попадала, поднималась из-за стола и собирала свои «пули» в кулак, чтобы выбросить в корзину для бумаг.

С хрустом разжевав леденец крепкими зубами, Антон поднялся на ноги, оттолкнув кресло, которое злобно лязгнуло позади.

– Ну, давайте приступим, – предложил он бравым тоном и выпрямился во весь рост.

– А зачем вы встали? – удивилась Лиза и тоже поднялась со своего места.

Они смотрели друг на друга с тем напряжением, которое приходит непосредственно вслед за недопониманием.

– Чтобы начать, – ответил Антон, неожиданно ощутив, что его губы ужасно сухие и обветренные. И если он поцелует такими губами Лизу, она запросто может разочароваться. Он незаметно облизал их и, крадучись, обошел стол. Вероятно, именно такой поступью хищники подбираются к своей добыче. – Кто из нас должен проявить инициативу?

– Наверное, я, – пробормотала сбита с толку Лиза. – Я собиралась записывать...

– Свои ощущения? – понизил голос Антон и сделал последний шаг, разделявший их. – Или мои? Под диктовку, я полагаю?

Теперь между ними осталось слишком мало места, слишком мало воздуха... Оба задышали так часто, словно только что бежали наперегонки.

– Я что-то не очень... – начала Лиза, и тут Антон взял ее за плечи, осторожно притянул к себе и поцеловал долгим поцелуем, в который, наверное, нужно было вложить всю душу. Чтобы она поняла все и сразу. Однако он был так увлечен собственными ощущениями, что позабыл обо всем остальном.

– Господи, – пробормотал он, когда наконец они оторвались друг от друга. – Кажется, со мной все в порядке, вы не находите? Вы меня исцелили! Ура, ура. Кудесникову и делать-то больше ничего не нужно.

– Как это? – спросила Лиза. Глаза у нее были подернуты дымкой, как у мечтательницы, высматривающей среди волн алые паруса. Она медленно приходила в себя. – Как это Кудесникову ничего не нужно делать?

– Да так. Я абсолютно здоров!

– Ужасно приятно, конечно, что вы здоровы, – Лиза нахмурилась, пытаясь найти в словах этого странного человека хоть какую-то логику. – Но вы ведь не к врачу пришли, а к частному детективу.

– Ну да, конечно, к детективу, – ответил Антон, глядя на нее глупыми глазами. – Конечно, к частному. Ясное дело. Я пришел к частному детективу.

– Зачем вы меня поцеловали? – спросила Лиза, чувствуя, что оба они стоят на зыбкой почве и вот-вот могут рухнуть вниз и покатиться с высокого откоса.

– Не знаю. Мне показалось, нам обоим это не повредит.

Ему понравилось ее целовать. Он заранее знал, что понравится, и, к счастью, не был разочарован. Она оказалась нежна, уступчива и загорелась от первого прикосновения. Следовало как-то показать, что она ему нравится, сделать комплимент или еще что-то. Но Антон, хоть и держал себя в руках и полностью контролировал ситуацию, отчего-то плохо соображал. Примерно так чувствует себя взрослый дядя, который катался с сыном на карусели, а потом ступил на землю и ощутил, что та качается у него под ногами.

Прежде Антон и мысли не допускал, что женщина, даже такая чудесная, способна заставить его утратить душевное равновесие.

– Постойте, – пробормотала Лиза, приложив ладонь к груди. – Я совершенно выбита из колеи.

– Это я вас выбил? – уточнил Антон, против воли ощутив некоторое самодовольство.

– Ну... В общем... Да. Выбили. – Она опустила в кресло и слабо махнула рукой. – Садитесь на свое место. Я уже взяла себя в руки. И вас прощаю. С вашей стороны это была неосознанная месть собственной жене.

– Неправда, – обиделся Антон. – Какая такая месть? И вообще... Я не женат.

– Ну да! – не поверила Лиза, но тут же спохватилась и, откашлявшись, спросила: – Так что же у вас за проблемы?

«Арсений меня убьет, если узнает, что я тут себе позволяю». И неожиданно громко ахнула вслух, не дав Антону ответить на вопрос:

– Я с ума сошла! Мне нужно срочно позвонить. Срочно!

Она схватила стоявший на столе телефонный аппарат, рывком притянула к себе и принялась набирать номер, прикрывая цифры ладонью. Антон смотрел на нее во все глаза. А когда понял, что она связалась с боссом, в разговор вслушиваться не стал. Обдумывал собственную тактику. Что делать дальше?

– Не могли бы мы с вами сегодня поужинать вместе? – спросил он, как только трубка легла на рычаг.

– Я и вы? – переспросила Лиза. Она так удивилась, что даже не сообразила свое удивление скрыть. Такое впечатление, что ее никто и никогда не приглашал ужинать. Он даже не догадывался, до какой степени прав.

Антон испугался, что она откажется, и тотчас решил, что ужин будет роскошным, а ресторан самым дорогим.

– Мы поедем в старую Москву во французский ресторанчик и будем пить великолепное вино и есть...

– Нет, ничего не получится, – ответила Лиза. – Извините, мне нужно позвонить еще раз. Пока она звонила, Антон пытался понять, в чем дело.

– Почему не получится? – сразу же спросил он, едва дождаввшись, когда она освободится.

Лиза внимательно посмотрела на него и очень серьезно ответила:

– Мы стоим на разных ступенях социальной лестницы, вот почему.

– Господи, да какое это имеет...

– Имеет, – отрезала она. – Я знаю, вам по силам взять меня за шкуру и втащить на свою ступеньку, но для меня это неприемлемо. Я никогда не стану пользоваться мужчиной.

– Это какая-то феминистская чушь! – мгновенно рассердился Антон. – Многие женщины мечтают о том, чтобы найти мужчину, способного подарить им новую жизнь.

– Но не я.

Он некоторое время молчал, переваривая сказанное. Какое невероятное превращение! Лиза преподнесла ему неожиданный сюрприз. Только что она была воском в его руках и вот неожиданно превратилась в гранит.

– Это просто ужин.

– То, что для вас просто, для меня очень даже сложно. – Она покраснела, но все-таки решила резать правду-матку до конца: – У меня нет одежды, какую надевают в рестораны.

– Но...

– У меня вообще нет другой одежды.

– Я мог бы...

Она молча покачала головой. Следовало срочно сменить тактику. Немедленно.

– Дело в том, что за мной следят, – выпалил Антон, зорко наблюдая за ее мимикой.

Она собрала лоб гармошкой и удивленно моргнула. Переход от глупостей к делу был слишком неожиданным.

– То есть мне кажется, что за мной следят. Я хотел бы, чтобы вы развеяли мои сомнения. Нужен человек со стороны. Поскольку вашего знаменитого Кудесникова нет на месте, я подумал, что вы вполне можете его заменить. Это ведь безопасно – просто понаблюдать, и все.

Он положил ногу на ногу и двумя пальцами поправил складку на брюках.

– Но я не занимаюсь оперативной работой!

– И что здесь такого особо оперативного? Мы едем в ресторан, и вы развеиваете или подтверждаете мои сомнения. Или да, или нет.

– Если за вами следят, – медленно произнесла Лиза, – то неважно, где именно мы будем ужинать, верно? «Хвост» потащится за вами и в «Националь», и в какую-нибудь грязную забегаловку.

– Но я не хочу ужинать в грязной забегаловке!

Он собирался сказать, что всякие там забегаловки никому не делают чести, но потом раздумал и решил играть по ее правилам. В конце концов, ее еще предстоит завоевывать. Раз у нее такие глупые воззрения, это может оказаться не очень простым делом.

– Выберите такое место, куда я смогу прийти в этом костюме и не чувствовать себя ущербной.

– У вас прекрасный костюм! – искренне заметил Антон.

– Благодарю, – хмуро кивнула Лиза. – И вам не стоит заезжать сюда за мной. Вдруг вас проследят прямо до нашего офиса? Вдруг вас уже проследили?

– Уверен, что нет.

– Отчего это вы уверены?

Он сделал витиеватый жест рукой и коротко ответил:

– Я долго плутал.

Антон понятия не имел, что будет рассказывать о себе, когда они окажутся за столиком друг против друга. А ведь она наверняка попросит рассказать. Чем он занимается – в первую очередь. И где находится его фирма. И когда он скажет – где, она изумится, а наутро наконец повернет голову и обратит внимания на особнячок напротив. Возможно даже, расспросит, куда выходят окна его кабинета. Ах, как нескладно все получилось!

В конце концов он решил ничего ей о себе не рассказывать. Она ведь не настоящая сыщица. А поскольку на самом деле за ним никто не следит, она скажет, что ему все это помешалось. И вопрос об обращении к Кудесникову отпадет сам собой. Знакомство же с Лизой можно будет продолжить.

\* \* \*

– Вероятно, дельце нас ждет заурядное, – сообщил Арсений коту.

Вернее, даже не коту, а сумке, в которой сидел его любимец. Сумка была просторная, с твердым дном и сетчатым окошком для доступа воздуха. Кудесников повернул ее окошком к себе, чтобы издали она ничем не отличалась от других спортивных сумок. Мерседес в поездках вел себя образцово, не вертелся, не орал и не пытался драть когтями материю.

По-хорошему, брать его в дорогу не стоило. Любой дурак заметит, что за ним повсюду следует человек с котом. Придется Мерсу ездить в сумке или сидеть одному-одинешенькому в машине или в гостиничном номере. Прежде Арсений оставлял его родственникам и друзьям, но кот дважды убежал от временных хозяев и, проблуждав где-то с месяц, отощавший и ободраный, возвращался домой. В моменты этих исчезновений Арсений так страдал, что в конце концов решил раз и навсегда – с него хватит. Теперь они с котом были неразлучны: куда один, туда другой.

Под сводами вокзала царила чудесная прохлада. Только что зашедшие с улицы граждане, липкие, как леденцы, медленно остывали, блаженно закатывая глаза. Кудесников с детства любил вокзалы. Ему нравились просторные и гулкие залы с лакированными скамейками «для отдыхающих», нравилась всеобщая озабоченность, которая означала, что ехать придется долго, с ночевкой в поезде, дремать на узкой койке и слушать, как постукивают колеса, позвякивают стаканы в подстаканниках и гудят встречные скорые. Нравилось, когда бесплотный голос произносил в динамик магические слова: «Поезд дальнего следования...» За этим «дальним следованием» скрывалось много детских переживаний, из-за которых летние каникулы казались целой жизнью.

Кудесников прогулялся вдоль ряда небольших магазинчиков, где приезжающим и отъезжающим предлагали купить подарки по нахально высоким ценам. В витрине магазина игрушек сидел плюшевый медведь размером с теленка и пристально смотрел на сыщика черными пластмассовыми глазами. Маленькие дети, получив такой подарочек, наверняка заревут от ужаса.

Кудесников остановился напротив, делая вид, что приценивается к зверюге, сам же исподтишка наблюдал за своим подопечным. Что там Виктория говорила о своем муженьке? Что он представительный? И у него важная походка? По мнению сыщика, тот был похож на толстого закомплексованного подростка и ходил вперевалочку, как пингвин.

Сливка между тем приблизился к электронному табло, опустил на пол небольшой чемоданчик, задрал голову и принялся изучать расписание. Кудесников порылся в кармане, достал мелочь и разложил на ладони. При этом он старался удержать на лице непринужденное выражение. По залу прохаживались бдительные милиционеры, обшаривая глазами толпу. Не хватало еще показаться кому-нибудь из них подозрительным. Впрочем, Кудесников всегда был чисто выбрит и стильно одет, и если уж на него обращали внимание, то лишь потому, что он хорошо выглядел.

Роман Сливка тем временем повернулся спиной к расписанию, достал сложенную вчетверо газету и углубился в чтение. Кудесников длинно зевнул. Интересно, этот тип в самом деле изменяет супруге? И если да, то с кем? Он представил знойную женщину с черными кудрями, обладательницу выдающегося бюста, полных рук и низкого голоса, сильную и страстную. Сильные и страстные – настоящая погибель для увальней, похожих на Сливку. Оторвать такого от жены – все равно что заставить его изменить старым привычкам. Практически невозможно.

Первую, самую общую проверку Роман Петрович выдержал. Он действительно работал заместителем директора отдела продаж компании «Золотой круг», был на хорошем счету у руководства и пользовался уважением в коллективе. На корпоративных вечеринках не напиивался, за молоденькими сотрудницами не ухлестывал. Вообще Сливку трудно было вообразить флиртующим. Казалось, жизнь угнетает его. Такие люди не ищут развлечений, они несут свои заботы как тяжелое бремя.

Впрочем, кое-что Сливка от своей женушки все же скрыл. Ей он сказал, что отправляется в очередную командировку, а на самом деле взял на фирме недельный отпуск за свой счет. Хотя это, конечно, еще ни о чем не говорит.

Арсений переложил сумку с котом из одной руки в другую и пошевелил лопатками. На спине у него болтался маленький рюкзачок – из-за Мерседеса пришлось поступиться частью вещей. Впрочем, это не страшно. Еще из офиса он позвонил одному из своих помощников

и попросил перегнать машину в Аркадьев. В машине у него есть все, что нужно для счастья. Помощник встретит его на станции и передаст ключи.

Сыщик приготовился к скучному ожиданию поезда, к спокойной поездке, к слежке вполглаза.

И вдруг... Что-то произошло.

Сливка в очередной раз оторвал взгляд от передовицы и неожиданно встрепенулся. На его губах задрожала неуверенная улыбка, которая тотчас расплзлась по всему лицу. Она ему шла, эта улыбка. Как-то сразу стало понятно, что Сливка – парень дружелюбный и честный и, может быть, немножко, совсем капельку – несчастный. А очки вовсе не для того, чтобы защищаться от людей, а быть к ним ближе, видеть их лучше.

Кудесников едва из штанов не выпрыгнул, пытаясь понять, кому это Роман Петрович так улыбается. Навстречу Сливке шел поток пассажиров, огибал его с двух сторон, протекал под арку, над которой висело табло, и всасывался в двери, выходящие на перрон. Так что Сливка мог улыбаться кому угодно. Арсений пробежал глазами по толпе, подстегнув свою интуицию. Может быть, вон та веснушчатая девица с косой? Или мужчина в светлом костюме и узких черных очках? Кто-то из них сейчас подойдет к Сливке и раскинет руки, чтобы обнять дорогого друга.

Однако к Сливке никто не подошел. Сам же он повел себя чрезвычайно странно. Улыбка растаяла у него на губах, он нахмурился, помял в руках свою газету, перевернул ее вверх ногами и углубился в «чтение». Кудесников видел, как он занервничал. В ямочке над верхней губой появилась тяжелая капля пота. Он то и дело слизывал ее или смахивал пальцами, но через минуту она снова оказывалась на том же самом месте. Время от времени Сливка поводил плечом, как будто его раздражал шов на рукаве или кусала злобная мошка.

Есть! Кудесников наконец перехватил его вороватый взгляд. Смотрел Роман Петрович на троицу, которая прошествовала мимо него и затормозила неподалеку от выхода на перрон. Ужасно странные личности. Девица лет двадцати пяти и две особи мужского пола. Девица выглядела хрупкой – тоненькие ручки, узкие плечики, беззащитная шея. Вид абсолютно потерянный, смотрит поверх толпы невидящим взором. Длинные волосы на затылке собраны и заколоты так, что сбоку торчит хвост, похожий на маленький фонтанчик.

По левую руку от нее – здоровенный детина с пушистой бородой и волосами цвета ржавчины, которые мелко завиваются. Этаким летний вариант Деда Мороза. Глаза бледно-голубого цвета взирали на мир с деланным добродушием. У Кудесникова при взгляде на него по спине поползли мурашки.

Второй, находившийся справа, выглядел откровенно опасным – худой, с острым кадыком и глазами навыкате, на дне которых копошилась злоба на все человечество. Его челюсти постоянно двигались, разминая жвачку. Ввязавшись с таким в драку, можно запросто получить ножом в живот.

«Хорошенький эскорт у этой девчонки!» – подумал Кудесников. Его наметанный глаз отметил отсутствие у всех троих какого бы то ни было багажа. Только у девицы на локте болталась обязательная дамская сумочка.

В этот момент репродуктор прогундосил что-то неразборчивое, и троица мгновенно снялась с места. Вернее, с места снялись оба типа, которые начали подталкивать девицу руками, как овечку, отбившуюся от стада. «Неужели это и есть подруга Сливки? – изумился Кудесников. – Тогда почему она приехала на вокзал не одна? Сливка этого явно не ожидал – он встретил ее солнечной улыбочкой и тут же остыл, потому что она появилась... с кем? С двумя братьями? С инструкторами по рукопашному бою? С кредиторами? С женихом и его другом? Кто такие эти парни? Девица совершенно точно не рада их присутствию. И они тоже не очень-то к ней внимательны. Только по сторонам зыркают да хватают свою подопечную за локти – на

всякий пожарный. Охранники? Тогда от кого ее охраняют? И с какой стати? Она не похожа на дочь миллионера. Да и не «пасут» дочерей миллионеров столь темные личности».

К тому времени, как подали поезд, Арсений успел насочинять про девицу с «хвостом» кучу небылиц. Больше всего ему нравилась версия романтическая: девица замужем, муж заподозрил ее в измене и не отпустил одну в Аркадьев, в большой загородный дом, который для нее выстроил. Возможно даже, Сливке грозит нешуточная опасность, если он попытается вступить в контакт со своей любимой.

Однако Сливка, кажется, не думал об опасности. Он вышел на перрон сразу вслед за девицей и ее сопровождающими и потащился следом, пожирая их глазами. Кудесников с независимым видом вышел тоже. Он выглядел щеголем, и обвешанные сумками пассажирки бросали ему вслед заинтересованные взоры.

Поезд уже подали – он стоял на своем пути, упершись огромной башкой в столб с маленьким табло, на котором были обозначены время отправления и пункт назначения. Подозрительная тройца, не отягощенная багажом, резво продвигалась вперед. Они добрались до седьмого вагона и по очереди вошли внутрь. Первым – «Дед Мороз», затем девица и замыкающим – тип с глазами навывкате.

У Сливки оказалось место в соседнем, шестом вагоне, и Кудесников вздохнул, печально поглядев на свой собственный, доставленный ему курьером, билет.

– Мы в двенадцатом, Мерс! – шепотом сообщил он «напарнику», затаившемуся в сумке. – Слишком далеко от Сливки, придется идти на поклон к проводнице шестого и просить о снижении. А общение с женщинами, если ты не в курсе, – такой же труд, как рытье траншей: оно отнимает время, силы и редко доставляет удовольствие. Еще неизвестно, что там за тетка.

Впрочем, когда Арсений увидел проводницу шестого вагона, он сразу понял, что победа останется за ним. Та оказалась крупной и красивой дивчиной с круглым носом и веснушками, которые расползлись по щекам, словно рыжие муравьи. Взгляд у нее был живой и ясный, она не просто проверяла билеты у пассажиров, но и сопровождала их действия задорными комментариями.

– Осторожней, мужчина, не промахнитесь мимо ступеньки.

– А вам, женщина, в самый конец вагона. Ну да, это купе возле туалета. Чего вы морщитесь? Туалеты у нас – пальчики оближешь.

– Сначала ребенок, мамаша, а потом уже багаж. Проталкивайте его чемоданом в проход, проталкивайте!

Кудесников дождался, пока дивчина освободится, и приблизился к ней. В его распоряжении было столько природного обаяния, что у проводницы не осталось ни одного шанса. Подкрепленное материально, обаяние одержало решительную победу ровно через две минуты.

Впрочем, войти в павшую крепость сыщик не успел. Из динамиков, разбросанных под куполом, грянул громовой голос, объявивший на весь вокзал:

– Арсений Кудесников, вас ожидает срочное сообщение! Просьба подойти к отделу информации.

Вышеупомянутый гражданин даже глазом не моргнул. Достал из кармана сигарету, закурил и как бы между прочим посмотрел на часы. До отхода поезда оставалось десять минут.

Арсений добыл из кармана мобильный телефон и проверил, работает ли он. Телефон работал. В свете этого обстоятельства объявление по радио выглядело по меньшей мере странным. Пожалуй, только Лиза знала, куда и с какого вокзала он отправляется. И еще Виктория Сливка. Возможно, у обманутой жены появилась какая-нибудь бредовая идея, которую она решила донести до Кудесникова? Потеряла контактный номер телефона, а до секретарши дозвониться не смогла? Выходить на перрон ей нельзя – муженек может заметить. Вот она и придумала дать объявление по радио.

Арсений бросил окурок в подвернувшуюся урну и подмигнул проводнице, пообещав, что дорога будет веселой. Он вообще легко раздавал женщинам обещания, которые не собирался выполнять. А когда она занялась новыми пассажирами, развернулся и быстро двинулся к зданию вокзала. Однако не успел пройти нескольких шагов, как услышал дребезжание сотового. Звонила Лиза. Голос у нее был невероятно пронзительным. На памяти Арсения она разговаривала так лишь однажды, когда увидела мышь и с ногами взобралась на стул.

– Босс, – пискнула она, – случилось невероятное. Маврушкина дозвонилась до меня и сказала... Сказала...

– Сказала что?

– Что ее муж жив! Он воскрес из мертвых!

– Твою мать, – выругался Кудесников. Благодушное настроение оставило его, помахав ручкой. – Как чертовски не вовремя он это сделал.

– Алиса прячется у школьной подруги. Хотите продиктую вам номер ее телефона?

– Не хочу!

Он еще держал сотовый возле уха, когда вдали, у первого вагона, увидел трех головорезов в гавайках, которые только что выскочили на перрон. Вероятно, еще как минимум двое сидят в засаде возле отдела информации.

– У него пистолет, босс! – предупредила Лиза. – Он считает, что Алиса изменила ему с вами, поэтому жаждет крови.

– Не дождется, – процедил сквозь зубы Кудесников.

– Сказал, что его адвокат уже готовит речь, в которой говорится об убийстве в состоянии аффекта.

– Сказал?! Он что, наведывался к тебе?

Лиза издала короткий всхлип и пробормотала:

– И прочитал в моем ежедневнике запись о заказе билета.

«Я же просил тебя не делать никаких записей!» – хотел воскликнуть Арсений, но тут же подумал, что в противном случае Маврушкин вытряхнул бы сведения непосредственно из секретарши, и проглотил упрек.

– С тобой все в порядке?

– Д-да, – запнувшись, ответила она.

Арсений видел мужа Алисы Маврушкиной только на свадебной фотографии, которую та из мистического страха продолжала держать на комод. Кажется, это вон тот громила на кри-вых ногах, лысый, как мяч, и с бешеными глазами. Возможно, он тоже видел снимок Кудесникова. Например, тот, на котором Алиса запечатлела его в прелестных желтых плавках на краю бассейна. В таком случае еще несколько секунд, и будет поздно что-либо предпринимать – громилы несутся по перрону, вращая головами.

Ни одного оригинального выхода из положения Арсений не нашел и решил воспользоваться классическим рецептом обмана преследователей. Рецепт был простым и старым, как мир. Следовало схватить в охапку какую-нибудь барышню и подарить ей волшебный поцелуй с крепкими объятиями и подрыгиванием ножкой.

Та барышня, которая оказалась к нему ближе всех, выглядела неподходящей для такого рода экспериментов. Она была не слишком молода и стройна той жестокой стройностью, которая дается в обмен на большие жертвы. Кудесников мимоходом оценил красивые ноги и темные, круто завитые локоны. Тонкий аристократический нос шел впереди нее. Слегка раскосые глаза смотрели строго, поджатые губы предупреждали, что не допустят никаких глупостей.

Другого выхода все равно не было. Кудесников поставил сумку с котом на землю, сделал стремительный шаг вперед и, заступив своей жертве дорогу, воскликнул:

– Муся! Как же я рад, что ты пришла меня проводить!

– Чего? – спросила барышня, растерявшись. Надменное лицо потешно вытянулось.

– Всю дорогу я буду думать о прошлой ночи, – с жаром пообещал Кудесников.

Схватил ее за плечи и одним мощным рывком притиснул к себе. Глубоко вдохнул и спикировал на изумленно приоткрывшиеся губы. Барышня немедленно затрепыхалась, как пойманная рыба, принялась бить плавниками и хвостом и раздувать жабры. Кудесников усилил нажим. Железной рукой он взял добычу за затылок и отклонил в сторону, чтобы держать перрон под контролем. Сумка, которую его жертва держала в руках, сочно чмокнув, приземлилась на асфальт.

Преследователи четко придерживались сценария: они пробежали мимо, не обратив на парочку никакого внимания. Примерно через минуту двенадцатому вагону предстояло выдержать нашествие варваров.

Лишь только опасность миновала, Кудесников обратил наконец внимание на девицу, с которой целовался. Она была напряжена, как стальной прут. Жизненный опыт подсказал Арсению, что нельзя бросать ее просто так. Он немного ослабил хватку, закрыл глаза и, глотнув воздуха, поцеловал ее еще раз – вдумчиво. Через некоторое время жертва обмякла и перестала оказывать сопротивление.

И все же сыщик был готов к тому, что получит по физиономии. Однако девица по-настоящему его удивила. Когда он выпустил ее из объятий, она отступила на два шага, одернула короткий пиджачок, подняла на него ясные глаза и деловито спросила:

– Я в самом деле так сильно похожа на Мусю?

Кудесников хлопнул себя ладонью по лбу и воскликнул:

– Боже! Как я мог так ошибиться? Простите меня, простите!

Схватил свою «живую сумку» и скрылся с места происшествия, ни разу не обернувшись. Пострадавшая сторона некоторое время стояла на месте, потом подобрала свой багаж и продолжила путь. По ее лицу никто не мог догадаться, что она чувствует на самом деле. Кажется, идиот, напавший на нее, скрылся в дверях шестого вагона? А ведь ей тоже в шестой. Не слишком приятно будет встретиться где-нибудь в коридоре или возле туалета.

Проводница шестого вагона при виде Кудесникова заметно оживилась. Ничего нового. Современные женщины так соскучились по элементарному вниманию, что умный мужчина может брать их голыми руками.

– Чай-то у вас хороший? – подмигнул сыщик.

– Не переживайте. У меня тут все, как у родной мамы. Будете ехать культурно! – Она показала ему пустое купе и добавила: – Жаль, что вы только до Аркадьева, а то б мы поближе познакомкались.

«Знакомкается» поближе у Кудесникова не было никакого желания, но в целях поддержания отношений он тоже выразил сожаление по этому поводу. Едва он остался один, как сразу же закрыл дверь и расстегнул «молнию» на сумке. Мерс индифферентно лежал внутри и, кажется, вовсе не собирался покидать свое убежище. Хозяин почесал его за ухом и сообщил:

– У нас привал, братец. Можешь размять лапы и прохрустеть своими колечками. Сейчас достану сухой корм и насыплю тебе вкусненького.

Он извлек из рюкзака плоскую коробку и поставил ее на откидной столик. Вслед за коробкой появился черный парик, который Арсений привычно нахлобучил на голову. Маврушкин и компания могли остаться в поезде и пойти по вагонам – с них станется! Значит, маскировка необходима. Из специального футляра он вытащил вставную верхнюю челюсть – жутко зубастую! – и с трудом загнал ее под верхнюю губу. Посмотрел на себя в зеркало и хмыкнул – теперь его не узнала бы даже родная секретарша. Длинная челка цвета воронова крыла падала на глаза, зубы агрессивно выдавались вперед, делая его похожим на бешеного кролика.

От предложенного угощения Мерс пренебрежительно отказался, отвернув морду. Он не любил есть в дороге, несмотря на то, что перед поездкой Кудесников держал его на голодном пайке – неизвестно, когда представится случай погулять по травке!

– Еще четыре часа, – предупредил его хозяин. – Проголодаешься.

Мерс упорно делал вид, что обращаются не к нему, а к какому-то другому коту. Арсений ухмыльнулся. Его веселили проявления кошачьей независимости.

Неожиданно в кармане затрясся и заверещал сотовый телефон. Кудесников достал его и с опаской посмотрел на экранчик. Это опять звонила секретарша. Ничего хорошего от звонка ждать не приходилось.

– Лиза?

– Забыла предупредить, – выдохнула она без всякого предисловия. – Маврушкин знает про то, что вы с Мерседесом. Так что будьте осторожны!

Она тотчас отключилась, а Кудесников хлопнул себя по коленкам и раздосадованно воскликнул:

– Не везет! Придется тебе, друг мой ситный, сидеть в духоте.

Мерс посмотрел на него снисходительно. В самом деле, что ему духота? Еще будучи котенком, он по доброй воле забирался в пододеяльник, спал в платяном шкафу под старым драповым пальто, не доеденным молью, и зарывался с головой в меховые шапки, которые зимой оставляли в прихожей бесхитростные кудесниковские гости.

Не успел Арсений застегнуть «молнию», скрыв Мерса от любопытных глаз, как поезд лягнул, качнулся и тронулся в путь. Перрон медленно поплыл назад, словно кто-то потянул его за веревочку. Сыщик с надеждой прильнул к окну, рассчитывая засечь Маврушкина и его головорезов. Однако перрон кончился, а он так никого и не увидел.

– Что ж, – философски заметил сыщик. – Любовные недуги, как и телесные, иногда чреватые осложнениями. Слышишь, Мерс? Снаружи бандитов не было, значит, они остались в поезде и могут появиться с минуты на минуту.

Словно в ответ на его слова дверь купе громыхнула и начала отползать в сторону. Кудесников немедленно выпрямился, сложил руки замочком и поспешил придать лицу идиотское выражение.

К его величайшему изумлению, на пороге появился вовсе не мстительный Маврушкин, а та самая девица, с которой он некоторое время назад целовался под высоким куполом вокзала в целях конспирации. Она стояла совершенно неподвижно и смотрела на Кудесникова с подозрением.

– Ба! Какие люди! – воскликнул он, на секунду забыв про то, что сам себя изменил до неузнаваемости. – Входите, входите. Я так рад, что мы едем вместе. Пошалим!

На лице попутчицы появилось тяжкое недоумение. В этот момент за ее спиной возникла веснушчатая проводница. Увидев преображенного Арсения, она вздернула брови и громко спросила:

– А где ж делся тот красавчик, которого я сюда посадила? Никак переселился в другой вагон? А это ж кто тогда, боженьки мои?

– А это я, – ответил Кудесников, нимало не смущаясь. – Я его сопровождающий. Мы едем вдвоем.

– Тогда посторонитесь, сопровождающий, – потребовала проводница. – Женщине ж войти надо.

Девица молча протиснулась в купе и села на диванчик напротив Кудесникова, плюхнув сумку рядом. Сложила руки на коленях и уставилась в окно. Некоторое время сидела неподвижно, словно раздумывала над чем-то, потом повернулась и еще раз посмотрела на Кудесникова.

– Давайте знакомиться! – предложил тот с живой радостью. Он был убежден, что в любом облике хорош, как принц. – Я Агамемнон. А вы?

– Марьяна, – неохотно ответила попутчица.

– Какое необычное имя!

– После вашего Агамемнона – просто Маша.

У нее явно не было настроения вступать в беседу. Возможно, она вообще общалась только с теми мужчинами, которые были ей симпатичны.

– Пойду погляжу, где тут вагон-ресторан, – сказал Кудесников, поднимаясь на ноги и подхватывая сумку с котом. – Вы есть хотите?

– Нет, благодарю вас, – ответила Марьяна, поглядев на него с неудовольствием. – Да уж не таскайте с собой свою поклажу, я ее не украду. И пригляжу, чтобы другие не украли.

– Спасибо, не стоит, – ответил «Агамемнон» и вышел в коридор, тесно прижимая сумку к себе.

Марьяна проводила его неприветливым взором. Как она не хотела ехать в Аркадьев! Как не хотела! И все у нее не задалось с самого начала. Перво-наперво она забыла билет, за которым возвращалась домой, а это плохая примета. По дороге совершенно ни с того ни с сего порвался чулок, пришлось выходить из метро, покупать новую пару, искать туалет и скакать в кабинке на одной ноге, рискуя шлепнуться на холодный плиточный пол. Вылезая из такси, она уронила сумку в единственную лужу, украшавшую окрестности. В общем, все шло сикось-накось. И когда на перроне на нее налетел какой-то мужик с поцелуями, она даже не удивилась. Теперь вот еще этот жуткий тип, похожий на хорька. Наверняка он едет до самого Аркадьева и будет всю дорогу лезть к ней с идиотскими разговорами.

В Аркадьеве Марьяна родилась и окончила школу. И готова была прожить там всю оставшуюся жизнь. Она выбрала подвижническую профессию учителя и планировала выйти замуж за Костю Лебедева, своего одноклассника, с которым встречалась целых три года в школе. У них был самый красивый роман в Аркадьеве, и мягкосердечные местные бабушки при виде счастливой парочки утирали глаза краешками платков.

Но... Как говорил ее нынешний помощник Брянцев, абсолютное счастье всегда стремится к абсолютному нулю. В родной аркадьевский вуз она не поступила, провалив английский. Целый день плакала навзрыд, считая, что нет на свете горя горше. А вечером пришел Костя, взял ее за руку, повел в парк, усадил на шербающую скамейку и сообщил, что встретил другую девушку, что чувствует себя виноватым, но поделать ничего не может. Он влюблен, потерял голову. Он ничего такого не планировал, *это* налетело на него как тайфун. Она должна простить его и отпустить с миром.

Марьяна помнила, как в мире исчезли сначала все звуки, а потом померк свет. Безголовый черно-белый Костя все открывал и открывал рот. Потом тряс ее за плечи, а она моталась, как неживая.

– Желая тебе счастья, – сказала она из центра своего вакуума, и голос ее был таким странным, словно родился не в горле, а в ржавой металлической трубе.

Костя еще некоторое время объяснял что-то, бурно жестикулируя, потом на секунду замялся, поцеловал ее на прощание странным клюющим поцелуем и ушел, распрямив плечи, как будто только что освободился от тяжелой ноши. Она видела, что в конце дорожки, уже почти за поворотом, он прибавил шаг, разбежался, подпрыгнул и стукнул рукой по веткам березы. Это было проявление живой радости и жажды жизни, предвкушение грандиозных перспектив и чудесных свершений.

Она приходила в себя долго. Выздоровлению предшествовали тяжелые месяцы, которые Марьяна не любила вспоминать. В то время она делала стыдные вещи – звонила Косте и умоляла его вернуться, назначала ему свидания, на которые он приходил с таким видом, словно ему предстояло удалять зуб. Она следила за его новой невестой Жанной, пылая от ревности и ненависти. Жанна оказалась высокой сухощавой девицей, красивой и жесткой. Она отлично знала, чего хочет, и, стремясь к цели, не ведала поражений. Ее родитель заседал в городском совете. Папины друзья и прихлебатели уже зажгли зеленый свет вдоль всей улицы, по которой Жанне предстояло идти в гору. Костю Лебедева она взяла на буксир.

С тех пор утекло много воды. В настоящий момент Константин Николаевич Лебедев занимал пост заместителя мэра города и прилагал все силы для того, чтобы вывести провинциальный Аркадьеv на новый, современный уровень. За последние годы здесь был пущен в действие консервный завод, открыт драматический театр, построены стадион и детский реабилитационный центр.

Главным спонсором, финансировавшим строительство последнего, стал холдинг «Мед-прима», в котором Марьяна занимала одну из руководящих должностей. То, что детский центр базировался именно в Аркадьеvе, оказалось чистой случайностью. Совпадением, которыми так любит баловаться судьба.

Марьяна не могла пойти к руководству и отказаться от проекта только потому, что ее мучают тяжелые личные воспоминания. И в настоящий момент она возвращалась в родные пенаты, чтобы представлять холдинг на Дне города, который собирались праздновать с большой помпой. Одним днем, правда, дело не обошлось. Марьяне предстояла целая неделя официоза. Для нее была составлена обширная программа, ей придется посетить массу различных мероприятий, а также присутствовать на праздничном балу.

Больше всего она боялась именно этого дурацкого бала. На дне ее сумки лежал плотный белый конверт, а в нем – официальное приглашение, выполненное красивой золотой вязью. Вызывающе крупные буквы в самом низу складывались в неприятную фразу: «На два лица».

Никакого «второго лица» в жизни Марьяны не было. Просить же кого-нибудь из коллег стать ее спутником казалось ей унижительным. Да и вообще... Для такого вечера, на котором она непременно встретится с Костей Лебедевым и его любимой супругой, ей необходим не абы какой мужик, а о-го-го какой! С того момента, как приглашение попало к ней в руки, она только и делала, что думала о бале. О том, как там себя вести. Какой ее увидит Костя? Холодной, уверенной в себе, успешной, элегантной – неотразимой! Костя должен сразу понять, что если она пришла одна, то вовсе не потому, что ее некому сопровождать. Просто ей наплевать на всех мужиков разом, вот так вот.

Как только она решила снять туфли и дать ногам отдохнуть, человек, носивший жуткое имя Агамемнон, вновь появился в купе.

– Лягу посплю, – с порога сообщил он, грохнув дверью с такой силой, что из нее чуть не выскочило зеркало. – Если захотите обсудить погоду на завтра или пофлиртовать, смело будите.

Марьяна фыркнула и поджала ноги под себя. Ей нередко приходилось сталкиваться с нахалами, но этот был какой-то особенный, веселый нахал, на которого даже не хотелось сердиться.

На самом деле Кудесников ходил в туалет, где ненадолго принял свой обычный вид, чтобы утрясти с проводницей финансовую и морально-этическую стороны поездки. Затем он под большим секретом сообщил ей о том, что является секретным агентом Президента, показал ей Сливку и взял с нее страшную клятву сообщить ему, если тот вдруг намылится сойти с поезда. Возможное появление Маврушкина и компании он решил игнорировать. Пусть бегают по вагонам – узнать его все равно невозможно, а кот надежно спрятан.

Кудесников поставил сумку с Мерсом на полку в уголок и, скинув ботинки, улегся на бок лицом к стене. Накрылся пледом и через несколько минут уже сладко посапывал. Марьяна некоторое время смотрела на него, пытаясь понять, что именно в нем кажется ей знакомым. Потом вспомнила – у того парня, который целовал ее на перроне, тоже были голубые джинсы и светлая рубашка. Просто один в один. Только тот был красивым и целовался потрясающе. А этот не только мордой не вышел, у него еще и прикус неправильный.

Рассматривая тыл своего попутчика, Марьяна неожиданно заметила, как черная спортивная сумка, стоявшая в углу на полке, тихонько пошевелилась. «Наверное, это он ногой дрыг-

нул», – решила Марьяна, но все же слегка напряглась. Через некоторое время сумка шевельнулась снова, сильнее прежнего.

Марьяна некоторое время сидела неподвижно, затем спустила ноги на пол и сделала маленький шагок – на цыпочках! – к этой самой сумке. Не в силах устоять перед искушением, она протянула руку и потрогала ее округлившийся бок. В тот же самый миг сумка сделала молниеносный выпад, и страшная боль пронзила Марьянин указательный палец.

– Ай! – воскликнула она, отпрыгнув назад. – Ай-ай-ай!

Ее попутчик мгновенно вскинулся и, отбросив плед, принял вертикальное положение. Марьяна смотрела на него круглыми глазами, засунув палец в рот.

– Вы что это? – спросил он. – Так нечестно, я ведь предупредил, что ложусь отдыхать! А вы орете. Чего вы орете?

– Ваша сумка меня укусила!

Дурацкий Агамемнон повернулся и посмотрел на свой багаж. Потом снова на Марьяну. И вместо того чтобы извиниться, завопил:

– А зачем вы ее трогали, а?

– Я не трогала! Я ее случайно задела! Подошла к зеркалу, чтобы причесаться, махнула рукой, а она... Кто у вас там сидит?!

– У меня там? – переспросил этот болван.

В голове Кудесникова прокручивались варианты ответов. Через секунду он пришел к выводу, что говорить можно все, что угодно, кроме правды. Приходилось учитывать возможное появление на горизонте Маврушкина. Достаточно этой фифе в неподходящий момент сказать вслух «Кыс-кыс!», как он будет немедленно расшифрован. А если учесть, что женщины всегда и все говорят не вовремя, Мерса ей нельзя показывать ни в коем случае.

– У меня там мадагаскарский кролик, – наконец сообщил он. – Я везу его с выставки, прямо с Мадагаскара. В Аркадьев, на кроликоферму. У меня есть все ветеринарные справки.

– Но эта ваша мадагаскарская дрянь кусается!

– Да ладно вам преувеличивать.

Конечно, Мерс не мог прокусить сумку. Вероятно, он пребывал в приподнятом настроении – воображал, что сидит в засаде, ожидая, когда какая-нибудь наивная мышь рискнет высунуть нос из своего убежища. И как только почувствовал движение, мгновенно извернулся и вонзил коготь Марьяне в палец. Охотник!

– Я преувеличиваю?! Глядите сюда!

Она стала совать поцарапанный палец Кудесникову в нос, он не выдержал, схватил ее за руку и сильно сдавил. На подушечке выступила багровая капля крови.

– Подумаешь, рана! – У него был пренебрежительный тон. – Вы просто укололись о коготь.

– Я укололась?! Это он меня уколол! А что, если я умру от экзотической инфекции? У вашего кролика под когтями мадагаскарская грязь!

– Ерунда. Перед отправкой его тщательно вымыли.

– Кроликов не моют!

– Вижу, вы большой знаток млекопитающих.

– Они не млекопитающие, а грызуны.

– Это мыши грызуны! И еще крысы. Ну, в самом крайнем случае бобры. А кролики, моя дорогая, питаются травой. Как можно грызть траву? Траву жуют.

– По-вашему, выходит, кролик – жвачное животное! – ехидно сказала Марьяна. – Нет у вас там никакого кролика. Открывайте сумку! Я хочу знать, от чего мне предстоит умереть.

Кудесников выставил одну ногу вперед, демонстрируя упрямство:

– Попад из темноты на свет, кролик может ослепнуть. Ни за что я не стану травмировать бедное животное.

- Тогда я травмирую вас!
- Ну, хорошо-хорошо. У меня там действительно не кролик. Какая вы догадливая! Чертовски умная. Прозорливая, можно сказать.
- Кого вы прячете, негодный человек?
- Ну, ладно, ладно. У меня там... летучая мышь. Нетопырь.
- Открывайте сумку.
- Если я открою, он вылетит и будет биться о стекло. Или о вашу голову. Учтите, у него большие кожистые крылья, холодные перепончатые лапы и морда, как у вампира.
- Я хочу убедиться, – голос Марьяны предательски дрогнул.
- Вы должны знать, что нетопыри иногда нападают на людей. А этот особо свирепый, поэтому мне его и продали так задорого. У него лапы, можно сказать, по локоть в крови. Не советую экспериментировать. Кроме того, если он вылетит, мы его вряд ли поймем. А окна здесь не открываются, если вы не в курсе. Представляете завтрашние газетные заголовки? «Летучая мышь покусала пассажиров скорого поезда». «Крылатый убийца загрыз проводницу и покалечил девятерых детей».
- Как вы посмели пронести в поезд животное, которое кусается, даже сидя в сумке?! Я подам на вас в суд! Вы всю жизнь будете работать на возмещение морального ущерба!
- Служите в большой корпорации? – сочувственно спросил Кудесников.
- Откуда вы знаете? – Марьяна отодвинулась и, сердитая, уселась на свое место.
- Ваш менторский тон, повадки, эти угрозы – все говорит о том, что вы не понаслышке знакомы с административной работой.
- Какой вы догадливый! – Марьяна схватила сумочку и снова вскочила на ноги. – Надеюсь, к моему возвращению вы успокоите эту тварь.
- Если не выводить ее из себя, все будет нормально. Кстати, когда вы вернетесь, не стучите каблуками, в последние оставшиеся часы я собираюсь выспаться.
- Не ответив ни слова, Марьяна вышла в коридор, добралась до конца вагона, изо всех сил потянула на себя тяжелую дверь и выскользнула в тамбур. Достала из сумочки сигарету и зажигалку, прикурила и жадно затянулась, с тревогой разглядывая поцарапанный палец. Через некоторое время дверь соседнего вагона отворилась, и в тамбур ввалились трое бритоголовых типов в гавайках. Они были явно чем-то озабочены и торопились, но, заметив Марьяну, резко затормозили. Самый здоровый и неприятный, с близко посаженными глазами и кривым носом, спросил, изо всех сил стараясь быть вежливым:
- Эй, дамочка! Тут где-то мужик едет. Красивый и с котом на цепочке. Вы его не видели? Марьяна выпустила дым вверх длинной струйкой и небрежно ответила:
- Красивого и с котом? Нет, не видела. А некрасивый с летучей мышью вам не подойдет? Едет в моем купе. Кстати, мышь кусается.
- Типы в гавайках мрачно переглянулись.
- Юмористка, блин, – пробормотал один, и вся троица, гроыхая коваными ботинками, проследовала дальше. Дверь за ними захлопнулась с невероятным грохотом.
- Когда Марьяна возвратилась на свое место, ее попутчик уже спал, бархатисто похрапывая. Едва она переступила порог, как в нос ей ударил отвратительный едкий запах, который было трудно с чем-нибудь спутать. Так пахнет в общественном туалете, подвергшемся нашествию футбольных болельщиков, перепивших пива.
- Обалдевшая Марьяна наклонилась и изо всех сил ткнула Агамемнона кулаком в спину.
- Вставайте! – потребовала она грозным голосом. – Вставайте немедленно!
- Кудесников открыл глаза и увидел над собой ангела с темными кудрями и розовыми губками. Ангел немедленно наградил его болезненным тычком под ребра.
- Да в чем дело?! – завопил сыщик возмущенно. – Опять трогали мою сумку?

– Все гораздо хуже, – ответила девица ледяным тоном. – Вы забыли предупредить, что у вас энурез.

– Кто у меня, простите?

– Принюхайтесь, и вы сами поймете – кто.

Кудесников принялся и тяжело вздохнул. Мерседес, не вынесший долгого плена, сделал свое дело прямо в сумку. В последний раз подобная неприятность случилась с ним несколько лет назад. Какая незадача! Пришлось Арсению изображать смущение и раскаяние, чтобы девица немного успокоилась.

– Извините, – пробормотал он, жалея, что не умеет краснеть по собственному желанию. – Простите. Бога ради! Я виноват. Мне так стыдно... Умоляю вас забыть о моем чудовищном проступке! Я испуплю...

– Идите же скорее! – взмолилась Марьяна. – И оставьте своего нетопыря в покое, я его не съем.

Она невольно задержала взгляд на девственно чистых джинсах Кудесникова, и в глазах ее застыл вопрос.

– Ладно-ладно, – пробормотал тот. – Это она наделала.

– Кто?

– Летучая мышь. Она написала в сумку.

– Не говорите глупостей! – отрезала Марьяна. – Такого не может быть.

– Как это не может?! – мгновенно завелся Кудесников. – Обычно они делают это, когда висят вниз головой на дереве. Если их целая стая, то лучше под этим деревом не ходить. Ну, а если вас засунули в сумку и тоже вниз головой...

– От летучей мыши не может так пахнуть.

– А вы много нюхали в своей жизни летучих мышей?!

Марьяна проглотила обидное слово и нарочито спокойным тоном предложила:

– Как бы то ни было, вынесите ее отсюда поскорее.

Кудесников так и сделал. Он отнес Мерса в туалет, достал из сумки и опустил на пол. Кот мгновенно уселся на задницу и принялся вылизываться. Хозяина он игнорировал: в точности так постояльцы дорогих отелей игнорируют обслуживающий персонал. Предусмотрительный хозяин постелил на дно сумки специальную пеленку для младенцев – оставалось только выбросить ее и посадить кота обратно.

Арсений полагал, что его питомец начнет сопротивляться и не захочет снова очутиться в тесноте и темноте. Ничуть не бывало. Мерс послушно улегся на дно. «Если бы у него были руки, он бы сам застегивал за собой сумку, – подумалось Кудесникову. – Настоящий соратник частного детектива!»

Возвратившись в купе, Кудесников в третий раз улегся спать. И спал до тех пор, пока в дверь не вломилась проводница и не выпалила ему прямо в ухо:

– Он уходит!

– А? Что? – вскинулся тот. – Уже Аркадьев?

– Нет, до Аркадьева еще три остановки, – все тем же драматическим шепотом ответила проводница. – А ваш-то уже в тамбуре стоит, изготовился!

Перед тем как покинуть купе, Арсений бросил последний взгляд на свою попутчицу, которая задремала, откинувшись назад. Даже во сне она выглядела слегка надменной. Он помнил вкус ее поцелуя, и ему было немножко обидно, что она не признала в нем своего «прекрасного принца». С другой стороны, даже лучше, что не признала.

Кудесников знал о женщинах так много, понимал их так хорошо, что порой мог лучше всякой гадалки предсказать будущее. Флирт с этим ангелом обязательно закончится какой-нибудь драмой. Сотрясением всего организма. А он не любил перемен, особенно в себе самом. Пусть лучше все идет как идет.

Итак, Сливка до Аркадьева не доехал. Интересно, почему? Возможно, его любовь живет на полустанке в какой-нибудь избе, окруженной вишневым садом. У нее коса до пояса и васильковые глаза. Когда она бросится Сливке на шею, останется сделать пару снимков и ретироваться. Мечты, мечты... Где ваша сладость?

\* \* \*

К удовлетворению Кудесникова, на полустанке из поезда выгрузилось довольно много народу. Впрочем, народ этот как-то слишком быстро рассосался, а Сливка все возился со своей сумкой, очень похожей на ту, в которой томился Мерседес. Пришлось делать вид, что Арсению тоже кое-что нужно подтянуть и поправить. Наконец Роман Петрович тронулся с места. Сыщик немного подождал и последовал за ним.

Конечно, он был раздосадован. Его надежды на спокойную поездку рушились на глазах. Проклиная судьбу, он подхватил сумку с котом и зашагал по грязному, разбитому проселку. На горизонте маячила спина неутомимого Сливки. Детектив прибавил шаг, боясь упустить подопечного из виду. Через пять минут он уже бежал, то и дело наступая модными ботинками в лужи. Из-под парика, который Кудесников впопыхах забыл снять, текли водопады пота, накладные зубы звонко клацали о нижнюю челюсть. Не выдержав, он на ходу сорвал с головы парик, выплюнул накладные зубы в ладонь и вприпрыжку помчался по просторам земли русской, разбрызгивая вокруг себя фонтаны грязи. Окрестная живность в панике разбегалась у него из-под ног. Мерседес, почуявший неладное, завозился в сумке и начал подавать голос.

Куда несет этого типа? Где тот вишневый сад, в котором ждет его любимая? Вместо сада Кудесников увидел широкую ленту шоссе, при выезде на которое торчал сияющий чистотой дорожный знак. От неожиданности Арсений остановился как вкопанный и тут же завяз по щиколотку в грязи. Знак гласил: «Село Кукуево – 100 метров». Он помотал головой, не веря своим глазам. Наконец сообразил, что прочитал неправильно. Правильно – Кукулево. Многообещающее названьице!

Село протянулось вдоль автомагистрали, которая вела из Москвы в Смоленск и в том числе проходила через Аркадьево. Что могло заинтересовать здесь Романа Петровича? Наверное, все же женщина.

Пока Кудесников читал вывеску и изучал топографию местности, Сливка исчез. Сыщик огляделся и увидел невдалеке ряд покосившихся домишек. Встряхнулся и бодрым шагом вошел в Кукулево.

Центром общественной жизни в селе была площадь, на которой стояли два ларька и строение, смахивавшее на переделанный сарай. Один ларек был заколочен досками, на другом висела бумажка с корявой надписью «Учет». Загадочное строение было снабжено вывеской с манящим названием «У Маруси». Рядом торчал дорожный знак, провозглашавший, что сарай является пунктом общественного питания. Придорожным кафе, иными словами. Пару минут Кудесников стоял на площади как истукан и осматривался. Поколебавшись, он выбрал именно кафе и двинулся к нему, переговорив по дороге с Мерсом и объяснив ему ситуацию.

Кафе оказалось на удивление просторным и чистым, с квадратными деревянными столами, накрытыми веселыми клееночками, и с массивными лавками. Кудесников вошел и неопределенно кивнул головой – вроде как поздоровался. Сливка был тут, около стойки – обхаживал официантку, явно стараясь произвести впечатление. «Внешность обманчива, – решил сыщик. – Не такой уж он лох, как мне казалось. Возможно, в нем скрыта мощная сексуальная энергия, на которую женщины реагируют, как радары на вражеский самолет – мгновенно».

Кудесников сел в дальнем углу и огляделся по сторонам. Народу было много, пахло вкусной едой и кофе. Хорошим кофе, между прочим. Когда сыщик положил руки на стол, раздался глухой стук. Он опустил глаза и обнаружил, что все еще судорожно сжимает вставную челюсть

и парик. После секундного замешательства он кинул парик на соседний стул, а челюсть аккуратно завернул в салфетку и водрузил в самый центр столика. После этого вспомнил про своего любимца, который некоторое время возился в сумке, а потом перестал подавать признаки жизни. Арсений запихнул сумку под стол, расстегнул ее и сказал:

– Мерс, мы еще только в середине пути. Терпи, дружище!

Кот несколько раз стукнул хвостом, потом обернулся и посмотрел на хозяина пренебрежительным взглядом. Мол, если еще не пора вылезать, чего пристаешь? Вздохнув, тот застегнул сумку и повернулся так, чтобы видеть стойку, где Сливка по-прежнему флиртовал с официанткой. Кудесников оглядел девушку с ног до головы. Смазливая блондиночка, невысокая, немножко вульгарная, с низким хрипловатым голосом и невероятным самомнением, которое базировалось на цветистых комплиментах проезжих мужиков.

– Аленка! – неожиданно крикнул кто-то из открытой двери кухни. – Поднос заberi!

– Сейчас, – откликнулась официантка. – Кофе подам и заберу!

Она протянула руку к кофеварке и резко повернула какую-то ручку. Раздался громкий хлопок, шипение – и девушку окатило гущей и желтоватой пеной. Она взвизгнула и замахала руками с такой силой, словно отбивалась от целого роя пчел. Местная публика начала гоготать. Из кухни выскочил мужик в фартуке и гаркнул:

– Да ты не прыгай, не прыгай! Полотенцем вытрись.

Второй официант смотрел на происходящее из зала. На его лице читались одновременно сознание того, что надо что-нибудь предпринять, и нежелание делать что бы то ни было самостоятельно. Девушка продолжала голосить:

– Ай, ну горячо же! Помогите кто-нибудь! – По ее лицу медленно стекали остатки капучино.

Посетители стали давать советы. Из-за столика у окна раздался робкий женский голос:

– Может, надо кого-нибудь позвать?

– Не, не надо никого, щас очухается.

– За врачом бегите, она небось обварилась!

– Ожоги надо смазать сметаной. У них на кухне наверняка сметана есть.

– Слушайте, кто-нибудь выключите эту девицу! Мелкая такая – а визжит-то, визжит...

– Протрите ее, ей же горячо!

Официантка, встряхивая двумя руками подол форменного платья вместе с залитым фартуком, обиженно откликнулась:

– Я вам не тумбочка, чтобы меня протирать!

– А мой эспрессо? Принесите немедленно!

– Вы же видели, кофеварка взорвалась! – надтреснутым голосом ответила Аленка, не оборачиваясь.

– А мне плевать! Мне кофе обещали! Хоть в Москву за ним поезжайте!

Единственным человеком, который не растерялся, был Сливка. Он не только отыскал бумажные полотенца и вытер официантке лицо. Изумленный Кудесников наблюдал, как Роман Петрович обошел стойку, наклонился над сломанным агрегатом и начал деловито копать в его внутренностях. Посетители и персонал кафе следили за его действиями затаив дыхание.

– Тут ерунда в общем-то, – виновато сообщил он, что-то вынув и чем-то щелкнув. – Нужно зафиксировать вот эту деталь, и все.

Буквально через минуту он закончил, улыбнулся, закрыл аппарат, вытер стойку, отбросил грязное полотенце в сторону, взял другое, чистое, и протянул Аленке.

– У вас на лбу немножко пены осталось.

Та вытерла машинально лицо, уставившись невидящими глазами в пустоту. А Сливка как ни в чем не бывало сам налил себе чашку кофе, кивнул пострадавшей и сказал:

– Присоединяйтесь ко мне, ваш босс наверняка разрешит. Я ведь ему деньги на ремонт кофеварки сэкономил.

После чего прошествовал за свой столик, спросив по дороге у повара:

– Может, дадите ей пятнадцатиминутный перерыв? Ей нужно в себя прийти.

Тот коротко кивнул, и Аленка с готовностью воскликнула, обращаясь к Роману Петровичу:

– Сейчас. Я только платье переодену!

Пока ее не было, Сливка прихлебывал свой кофе и блаженно жмурился. За соседним столиком справа от него сидел мужичок и изо всех сил давил на кнопки мобильного телефона. Давил, давил, а потом начал негромко материться:

– Сломался, зараза! В самый неподходящий момент!

Сливка тут же обернулся к нему.

– Что, не включается? – спросил он и услышал в ответ длинное нецензурное высказывание. – Позвольте мне взглянуть.

– Да забирай хоть насовсем! Мне такое барахло не нужно! – ответил хозяин аппарата, но телефон не отдал, а стал методично бить им об стол.

– Вы не волнуйтесь – сейчас все заработает, – заверил его Сливка. – Только не разбивайте корпус, пожалуйста.

– Да ничего ты не сделаешь с этой фиговиной! Выкинь его – кому он нужен! – кипятился мужичок.

Получив в конце концов в руки аппарат, Сливка стал нажимать на какие-то кнопки, покрутил его, повертел, и через минуту мобильник ожил. То же самое он проделал с часами одного из официантов. Когда подошла Аленка, у его столика уже стали собираться люди.

– Ну, вы и ас! – восхитилась она, лопая пирожное, которое московский гость для нее заказал. – Как это у вас получается? А часы с кукушкой починить можете? Вон они висят, над входом, видите?

Сливка сообщил, что может реанимировать, в принципе, любой механизм. Такой вот он талантливый. За час он починил всю технику, имевшуюся в кафе, не приложив к этому никаких видимых усилий. А в ответ на выражение благодарности только смущенно улыбался и качал головой. Зато Аленка цвела и пахла вместо него. Как будто сама приложила к этому руку. Прежде чем вернуться за стойку, она пошептала со Сливкой и написала ему что-то на салфетке. Наверняка номер телефона. После этого Роман Петрович поднялся со своего места, расплатился и вышел из кафе, громко насвистывая.

Кудесников подхватил сумку и отправился было за ним, но на выходе его остановил женский крик:

– Вы забыли ваши зубы! – К нему подбежала запыхавшаяся официантка и сунула в руку салфетку с челюстью. – И волосы тоже! – добавила она и хотела отдать ему парик, но вдруг услышала зычный голос из зала:

– Аленка, где тебя носит? Работать кто будет?

Другой голос, тонкий и визгливый, требовал свою картошку с грибами. Официантка, не долго думая, нахлобучила парик Кудесникову прямо на голову и убежала. Слегка ошалев от провинциальной непосредственности, Арсений постоял две минуты на пороге, снял парик, почесал в затылке и двинулся вслед за Сливкой по тропинке, которая бежала параллельно шоссе.

Его подопечный шел не торопясь, уверенно, было видно, что дорога ему хорошо знакома. «Куда этот тип потопал на ночь глядя? В этом Кукулеве его не знают. Выходит, нет у него в селе зазнобы. В таком месте роман не скроешь от посторонних глаз!»

Через некоторое время расклад стал ясен. У лесной опушки сиротливо стоял небольшой мотель – редкое явление на российских дорогах. Сливка направился напрямик туда. Дождав-

шись, пока он войдет внутрь, Кудесников позвонил Алику Малахову, который должен был пригнать ему машину в Аркадьев, чтобы Арсений не остался безлошадным. Организовывать слежку, рассчитывая на таксистов, слишком рискованно.

– Смотри на указатели, – велел он Малахову. – Тебе нужен мотель у села Кукулево. Я буду гулять вокруг, по лесочку. У меня тут подопечный решил в мотеле ночь провести.

Перед тем как отключиться, Малахов, естественно, заржал. Название села ему понравилось до чрезвычайности. Через некоторое время он подъехал, заглушил мотор и, пожелав Кудесникову «удачной охоты», отправился на станцию.

Арсений же, уставший от пеших прогулок по сельской местности, мгновенно запрыгнул внутрь и с блаженной улыбкой на лице уселся за руль. Сумка с котом, парик и челюсть отправились на заднее сиденье. Приземлившись, сумка недовольно мякнула.

– Сейчас, Мерс, сейчас. И не жалуйся! Живешь, как король – повсюду тебя носят, возят, кормят, ласкают...

Он извлек кота из сумки, пристегнул к ошейнику цепочку и отнес питомца в кусты, чтобы никто не заметил такую красоту. Кот долго мучил хозяина, давая ему понять всеми доступными способами, что он не собака и ходить в туалет по первому требованию не собирается. Наконец природа взяла свое, он посидел, задрал хвост, на сухом мху, после чего довольно резво потрусил обратно к автомобилю. После тесной сумки ему захотелось вольно развалиться и, размяв лапы, подремать.

Кудесников пристроил автомобиль недалеко от мотеля – так, чтобы держать под наблюдением главный вход, откинул сиденье и попытался расслабиться. Но выходило это у него плохо, перед глазами стояла сцена в кафе. Ну и странный же тип этот Сливка! То, что видел Кудесников, было не то чтобы подозрительно, но скорее странно. «С одной стороны – ну что в этом особенного? – рассуждал сыщик. – Мужчина чинит технику – значит, в ней разбирается, ничего такого. А с другой стороны – с чего служащий торговой фирмы стал разбираться в аппаратах для приготовления капучино? Или в тех же мобильниках? Да и жена уверяет, что он отродясь дома своими руками ничего не делал – и вдруг неожиданно начал. Всю технику дома разом починил, незнакомым людям просто так помогает». И зачем он соскочил с поезда? Может быть, у него именно в этом мотеле назначена встреча с дамой? Очень странное место. В конце концов, Сливка не такая важная фигура, чтобы прятаться столь тщательно. Корреспонденты за ним не охотятся, про слежку, организованную супругой, он вряд ли догадывается.

Для собственного успокоения Арсений все же вошел в мотель и узнал все, что его интересовало. Сливка снял номер на первом этаже, находился там один и, кажется, не собирался никуда ехать. Вероятно, он пробудет здесь до утра.

Когда начало темнеть и на небе зажглись первые звезды, Кудесников услышал деликатное поскребывание на заднем сиденье. Мерседес просился на волю. Зевнув, сыщик выпустил кота на улицу и сам вышел из машины. На горизонте догорала узкая полоска заката. В густо-синем небе зажигались первые звезды. Кудесников вдыхал свежий воздух вместе с ароматами, которые легкий ветер приносил с окрестных полей, и пытался привести мысли в порядок. Никакой девицы в Кукулево у Сливки, стало быть, нет, заигрывания с официанткой не в счет – так, проверка силы своего обаяния. А истерики его жены детектив вообще не хотел брать в расчет. После многих лет общения с ревнивыми женами он пришел к выводу, что женщины любую странность в поведении мужчины склонны объяснять изменой.

Кудесникову пришла в голову интересная мысль, что между внезапно проявившимся техническим гением Сливки и его поездками в Аркадьев должна быть какая-то связь. Но логическому анализу она пока что не поддавалась.

Ночью кот снова попросился на волю, и Арсению, который спал вполглаза, пришлось вылезать из машины и бродить с ним по влажной траве, спотыкаясь и охая. Обычно индифферентный, Мерс то и дело замирал на месте, поворачивал морду в сторону мотеля и неотрывно

смотрел на его темный силуэт. Кудесников тоже стал присматриваться. Однажды ему показалось даже, что он видит темную фигуру, крадущуюся вдоль стены, но потом решил, что это игра теней, и расслабился.

В семь часов утра Сливка вышел из мотеля, потянулся, раскинул руки и сладко зевнул. После этого дошел до автобусной остановки и устроился на лавочке, поставив свой багаж на асфальт. Вид у него был не слишком свежий. Несколько раз он громко чихнул, после чего достал платок и принялся вытирать нос. «Вероятно, ухитрился простудиться», – подумал Кудесников. Так и есть: Сливка открыл сумку, долго копался в ней, наконец извлек белый пузырек, вытряхнул на ладонь пару таблеток и закинул их в рот. Лицо у него сделалось задумчивым. С этим задумчивым лицом он направился к соседнему киоску, купил бутылку минералки и, сделав большой глоток, наконец просветлел.

Кудесников встряхнулся, положил руки на руль и собрался было подобраться поближе к шоссе, но неожиданно обнаружил, что машина не желает заводиться. После пятой попытки детектив начал звереть. После десятой – стучать по панели приборов. В конце концов ему это надоело, и он решил придумать альтернативный способ не упустить своего подопечного.

Однако придумать ничего не успел, увидев, что Сливка не просто обратил на него внимание – он направлялся прямо к нему! «Заметил слежку», – первым делом подумал Арсений. Его мозг, как всегда, моментально выдал несколько вариантов «легенды». Пока он прикидывал, какой подойдет больше, Сливка подошел к машине и знаком показал, что хочет поговорить. Кудесников невозмутимо улыбнулся и опустил стекло.

– Салют! – весело сказал он, жалея, что не надел свой паричок. И вставная челюсть осталась лежать, завернутая в салфетку, в «бардачке» автомобиля. – Чем могу помочь?

– До Аркадьева не подбросите? – спросил Роман Петрович, беспомощно улыбнувшись. – Автобуса ждать еще полтора часа. Вы ведь туда едете?

– Хотел поехать, – развел руками Кудесников. – Да машина не заводится. Кстати! – неожиданно встрепенулся он. – Может, вы посмотрите, в чем дело?

– Я? – удивился Сливка и даже попятился. Его полное лицо некрасиво сморщилось, словно он разгрыз лимонное зернышко.

– Да ведь это вы вчера вечером в местном кафе кофеварку отремонтировали! – не сдавался Арсений. – И часы с кукушкой, и пару мобильных... Вы ведь спец! Ну, посмотрите, что вам стоит? Если разберетесь с мотором, до Аркадьева я вас, естественно, довезу. Бесплатно! – добавил он с чувством. Для Кудесникова это было проявлением настоящего великодушия.

– Тогда ладно, – вздохнул Сливка. – Посмотрю, чего там.

Без лишних церемоний он открыл капот и погрузил руки в недра машины. При этом замурлыкал какую-то незамысловатую песенку. Кудесников приготовился к долгому ожиданию и извлек на свет божий брошюрку «Огранка бриллиантов», которую изучал на досуге. Но просветиться ему не удалось – уже через пару минут Сливка захлопнул капот и удовлетворенно улыбнулся. Кудесников повернул ключ, и машина сразу же завелась. Сливка схватил свою сумку и вместе с ней втиснулся на заднее сиденье.

– Вот спасибо! – обрадовался сыщик. И многозначительно добавил: – Мне сегодня невероятно везет!

В самом деле – у него появился шанс вытянуть из объекта массу интересных и нужных сведений. Положившись на свою природную наглость, помноженную на обаяние, детектив вырлился на шоссе и бросил пробный шар.

– Как вы ловко с машиной управились! А вчера в кафе какое шоу с кофеваркой устроили... Вы настоящий талант!

Кудесников надеялся на бурную реакцию Сливки, но тот отвернулся и опустил глаза.

– Ну... Э-э-э... Да, это так вышло. Ничего особенного. Просто так... М-м-м... Хобби такое. Ну, вот и решил помочь. Давайте не будем об этом? – Сливка как-то жалобно посмотрел на Кудесникова.

Детектив удивленно приподнял брови:

– Если бы я умел ремонтировать кофеварки, я бы просто лопнул от гордости.

Его спутник снова отвернулся, ссутулился и застыл, глядя в окно.

Кудесников все же попытался его разговорить:

– А ведь у меня машина часто глохнет. Что с ней не так? Скажите как специалист! Или, если вам больше нравится, как хоббист! – Тут он позволил себе легкую полуулыбку в надежде, что Сливка отреагирует на шутку. Но тот отсутствующим голосом произнес:

– По-моему, там проводок какой-то держится плохо. Или не проводок. Не знаю... Не помню, – тут же поправился он. – И никакой я не специалист. Я... – он снова замолчал.

– А кофеварка – сложная штука? Вы так лихо ее привели в чувство, – не отставал Кудесников. Он надеялся, что дурацкие вопросы разбудят в Сливке заносчивость, присущую мастерам своего дела. Но вместо того чтобы задрать нос и пуститься в объяснения, допрашиваемый впал в панику.

– Да что такое! Просил же – не трогайте вы меня со своими дурацкими кофемолками!

– Кофеварками, – автоматически поправил Кудесников.

– Тем более! – выкрикнул Сливка. – А вы меня еще поправлять будете? Починили вам машину – ну и рулите себе, людей не трогайте! И так нервы ни к черту!

«Вот это номер! – обрадовался Кудесников. – Кажется, я нащупал болевую точку. Однако имеет ли она отношение к моему расследованию? Может быть, да. А может, и нет. А как он взвился! Оказывается, он просто выглядит расслабленным. А на самом деле – как натянутая струна».

Натянутая струна тем временем перестала вибрировать – Сливка начал успокаиваться. Рядом слышалось его тяжелое дыхание.

– Простите, что не сдержался. Нервы шалют. Я в Аркадьев на поезде ехал – это быстро и надежно. Но потом мне позвонил коллега и сказал, что ночует в мотеле возле Кукулева. Нас с ним отправили на переговоры – у нашей фирмы в Аркадьеве филиал. Я, как дурак, с поезда сошел, а он звонит и говорит, что руководство его в Москву отзывает. Вот и остался я в этом Кукулеве. Пришлось даже заночевать тут – не люблю ночью попутки ловить.

Он замер на полуслове и неожиданно так высоко подпрыгнул на сиденье, что стукнулся головой о крышу салона. Кудесников тотчас ударил по тормозам и едва не впечатался носом в лобовое стекло. Сливка сидел на месте, повернув голову вбок и вытаращив глаза.

– Что с вами? – раздраженно спросил Кудесников, потирая ушибленный нос. – Опять нервишки шалют?

– А-а-а! А-а! Что это? Что? У вас... Там... Сумка... Она ползает! Вот опять! Смотрите, смотрите!

У Кудесникова от его выкриков зазвенело в ушах.

– Да перестаньте! – прикрикнул он. – Там Мерседес.

– Т-то есть как «М-мерседес»? К-ка-акой «Мерседес»?

– «Шестисотый». Походная модель.

Сливка продолжал вжиматься в боковую дверцу. Еще секунда – и он даст деру. Арсению пришлось объяснить все, как есть:

– Мерседес – это кот. – Тут же он вспомнил о Маврушкине, с которым судьба запросто могла столкнуть его в Аркадьеве или на пути к нему, и поспешно поправился: – То есть кролик. То есть нет, это редкий мадагаскарский зверь – помесь кота с кроликом. Кролокот называется. Если хотите, можете приоткрыть «молнию» и потрогать его чудный мех. И не бойтесь, он не кусается. По крайней мере, до вчерашнего дня не кусался.

– Я и не боюсь! Просто я не очень люблю кроликов. Котов, впрочем, тоже. Поэтому, если вы не возражаете, не буду смотреть на вашу экзотику.

– Как вам угодно. – Когда Кудесников сталкивался с людьми, не выносившими кошек, он становился оскорбительно вежливым.

Мотор автомобиля весело заурчал, и попутчики снова двинулись в путь. Ехать оставалось всего ничего. Вскоре перед их глазами предстал огромный щит с устрашающе большой надписью: «Добро пожаловать к нам в Аркадьеv!»

– К кому это – вам? – пробормотал Кудесников себе под нос, а вслух спросил: – Вы в этот город, вероятно, частенько навещаетесь? – и поспешно добавил: – По службе.

– Частенько.

– А где тут можно заправиться? Бензина мало.

– Да вот, прямо сейчас будет автозаправочная станция. На въезде, не проскочите.

Сливка остался в машине и, отодвинувшись подальше от страшной сумки, наблюдал за своим попутчиком, который вышел наружу и завел беседу с парнем в красивом рабочем комбинезоне с названием нефтяной компании на груди. Сливка вздохнул. Сам он не очень любил разговоры с незнакомцами, они его тяготили.

Тут он заметил, что его попутчик что-то сунул парню в руку, а тот в ответ передал ему. Визитка? Удивительная общительность и скорость установления контактов!

Когда они опять тронулись в путь, Сливка хотел спросить, зачем ему визитка парня с автозаправки, но не успел. Кудесников задал вопрос первым.

– А где тут у вас можно остановиться? Чтобы и недорого, и чистенько было? Есть здесь гостиница с хорошим соотношением цены и качества?

– Есть такая, – энергично кивнул Сливка. – Называется «Слава». Находится на улице 25-летия Октября.

«Очень оригинально», – чуть не сказал Кудесников вслух.

– Вы знаете дорогу?

– Знаю, я здесь частый гость. И в этой гостинице часто останавливаюсь.

«Слава» была обнесена оградой с большими воротами аляповатой советской ковки. Над ними висела табличка, на которой было выбито название гостиницы и лозунг: «Отдых – это смена видов деятельности». Кудесникова, подрулившего к самым воротам, мучил вопрос, на какую такую деятельность могли согласиться пролетарии после года вкалывания на заводе. Но Сливка лишил его возможности поразмышлять о загадках советской действительности.

– Послушайте, мне неудобно, но... Может быть, вы меня сначала до моей гостиницы подбросите?

– А эта разве не ваша? – грубовато спросил Кудесников, уставший от сюрпризов, которые ему подбрасывал Сливка.

– Не моя. Мне другую фирма оплачивает, более... М-м... Дорогую. Вы ж хотели цена – качество, – начал оправдываться он. – Вот я и вспомнил об этой...

– Ну, говорите, куда ехать? – Арсений сделал вид, что сдался с неохотой.

Сливка показывал дорогу, приплясывая на заднем сиденье и время от времени косясь на сумку с «кролокотом». Когда они добрались до места, он горячо поблагодарил:

– Спасибо вам, вы меня выручили, можно сказать, спасли! Вы мой благодетель!

Он даже сделал было попытку обнять Кудесникова, но тот кинул на него тяжелый взгляд, и Сливка не рискнул приблизиться.

– Предпочитаю твердую валюту!

– Ах да, что ж я, действительно... – забормотал Роман Петрович и стал судорожно шарить по карманам. – Просто я подумал... Вы говорили...

– Ну что вы, прекратите, это я так, пошутил неудачно. Вы мне машину починили, это я вас благодарю.

- Но что бы я без вас делал? Я бы до сих пор стоял на обочине!
- А как бы я без вас? Я бы тоже стоял на обочине и пинал колеса!
- Нет, но если бы не вы...
- Ну, а если бы не вы...

Идиотский обмен благодарностями продолжался еще несколько минут. В конце концов, окончательно расстроив друг другу нервы, Кудесников и Сливка гуськом двинулись к гостинице, которая называлась «Дубовая роща».

\* \* \*

Убедившись (не без помощи вездесущих и корыстолюбивых служащих гостиницы), что Сливка залег в своем номере спать и быстро вряд ли проснется, Кудесников решил немного размяться, а заодно более подробно и внимательно изучить место предполагаемых боевых действий. Гостиница стояла не в центре, но в живописном и, как ему объяснили, престижном районе города, граничащем с заповедным лесом.

«Только пешком!» – решил Арсений и отправился на разведку. Уже минут через тридцать-сорок бессистемных блужданий по городу стало понятно, что судьба занесла его сюда очень и очень не вовремя, – Аркадьев готовился к празднику.

«Праздник Нашего Города!» – именно так, игнорируя правила великого русского языка, было художественно начертано практически на всех более или менее вертикальных поверхностях. Витрины магазинов, двери подъездов, стены домов и даже мачты электрического освещения были заклеены цветными плакатами, на которых красовались три бессмысленных слова. Поперек главных магистралей висели растяжки с тем же глубокомысленным текстом.

Арсений загрустил – он по опыту знал, что подобные мероприятия могут лишь осложнить жизнь простым людям, жителям и гостям города, одним из которых он сегодня и оказался.

Живыми иллюстрациями, подтверждающими неистребимую, со времен Николая Васильевича Гоголя, любовь российских чиновников к сокрытию всяких безобразий в канун торжеств и вероятного прибытия большого начальства, были закамуфлированные наглядной агитацией или свеженькими строительными заборчиками стихийные помойки и полуразвалившиеся домики. Некоторые примыкающие к основным городским магистралям улочки и переулки были наглухо перекрыты металлическими ограждениями, на которых, впрочем, вместо ожидаемых плакатов были навешены запрещающие проезд и проход знаки. За ними можно было разглядеть потрескавшийся и местами провалившийся асфальт. Там, как гигантские грибы непонятной принадлежности, пробивались наверх колодцы городских коммуникаций, кое-где даже не прикрытые крышками.

«Пока местные градоправители сходят с ума, доказывая вышестоящим инстанциям собственную незаменимость, местное население покорно сносит причиняемые организаторами грядущего праздника дикие неудобства и лишения», – размышлял Кудесников, медленно продвигаясь по улицам Аркадьева.

Было жарко, и он зашел в кафешку с игривым названием «Пиво пенное» – отдохнуть от предпраздничных эмоций и выпить чего-нибудь холодненького. К счастью, кроме пива, здесь оказался вполне приличный выбор минералок. Предлагали даже холодный чай с мятой. Кудесников, потягивая приятно-прохладную жидкость, лениво наблюдал через большое окно кафе за уличной суетой. Улица, одна из главных в городе, была весьма оживленной. Магазины бойко работали на вход-выход, то и дело по тротуарам проносились тинейджеры на досках и роликовых коньках, прогуливались озабоченные юные мамы с колясками. Судя по количеству проезжавших и паркующихся иномарок, среди которых попадались и весьма дорогие модели, можно было судить, что деловая активность в городе находится на вполне приличном уровне.

– Загляделись? – раздумья Арсения прервала обслуживавшая его столик официантка. – Давно к нам приехали?

«Вот она, родная российская провинция, – вздохнул про себя Кудесников. – Патологическое любопытство плюс детская непосредственность. Но глаз наметенный – сразу приезжего углядела, а ведь город немаленький, всех упомянуть невозможно. Ладно, поговорим, вдруг что-то интересное всплывет, так, в плане общего образования».

Собственно, он ожидал некоторого развития событий с этой стороны – интерес женщин на ранних стадиях он определял безошибочно.

– Загляделся, – развернувшись и широко улыбаясь, начал он атаку. – Красиво у вас, уютно, чисто.

– В кафе? – уточнила официантка. На пластиковой карточке, прикрепленной к ее впечатляющей груди, значилось – «Ольга».

– И в кафе, и вообще в городе. – Арсений сделал широкий плавный жест, очертив рукой некую, ему одному ведомую панораму.

– Да-а, – как-то неуверенно поддакнула Ольга.

– Празднично очень, – добавил Арсений, действуя в лучших традициях профессиональных провокаторов.

Этого замечания, как он и предполагал, оказалось вполне достаточно, чтобы представительница местного электората высказала свое отношение и к городской администрации, и к ее праздничным починам. Видимо, подготовка к Дню города далась коренным аркадьевцам нелегко.

– Дороги годами не ремонтируют, ямы – местами – трактор провалится. И ничего. От своих домов элитных до городской администрации проложили трассы, и все. Остальные им – до лампочки. А тут узнали, что кто-то приедет на праздник – то ли полпред Президента, то ли Сам – и началось. Все перекрыли, весь транспорт – по объездным дорогам, а они знаете какие? Да и то не успели. Два дня назад всю ночь дождь шел, а они асфальт клали. Представляете? А сегодня с утра памятник Ленину отмывают – на нем демократы в девяносто первом году свои лозунги писали, он с тех пор так и стоял. Коммунисты уже пытались отмыть – ничего у них не получилось, а чего эти хотят? Лучше бы вообще убрали его, так на это у них в бюджете средств не предусмотрено. А на всякое безобразие предусмотрено? Месяц уже нормально не живем. А потом – сначала парад с шариками, а вечером концерт, и все нажрут.

Познавательный монолог, который Кудесников выслушал с огромным интересом, продолжался минут десять. Он успел заметить, что сидящие за соседними столиками люди, видимо, сплошь местные, внимательно прислушивались и одобрительно кивали головами.

Последнюю Ольгину фразу – «Чтобы они все сдохли, уроды вонючие, вместе со своими праздниками», – Арсений сопроводил соответствующим выражением лица: мол, понимаю, что это вы не всерьез, а исключительно от нервов и в переносном смысле.

– Я вообще-то москвич, сейчас в отпуске, – он решил сменить тему, чтобы обстановка немного разрядилась. – Вот, решил поехать по российским городам, надоела заграница эта.

Слова Кудесникова нашли горячий отклик в сердце официантки, которая оказалась, невзирая ни на что, горячим патриотом родного города. В заключение она с ноткой надежды поинтересовалась:

– Вы где остановились? А то у меня есть дачка недалеко от города. Я сама туда только на выходные приезжаю, а так – она свободна...

– Спасибо, у вас тут, как оказалось, с гостиницами полный порядок, не то, что в других городах. Я в «Дубовой роще» пока остановился. Она почти у леса стоит.

– Да, – грустно отозвалась Ольга, – эта престижная, там все начальство приезжает селят.

– Но была мысль и за городом пожить. – Человеколюбивая натура Кудесникова не могла вот так, запросто, убить женскую мечту. – И если вы, Ольга, позволите, я завтра-послезавтра зайду к вам, и мы поподробнее поговорим про дачку.

– Я завтра не работаю, – быстро и радостно затараторила официантка. – Заходите послезавтра, мы в десять утра открываемся. Или позвоните, – после паузы кокетливо добавила она.

Поблагодарив засмутившуюся вдруг Ольгу и записав на салфетке номер ее телефона, Арсений вышел на улицу. Вероятно, стоило уже вернуться в гостиницу – вдруг выпавшийся Сливка задумает еще какую-нибудь каверзу. Но, взглянув на часы, он подумал, что его подопечный, скорее всего, все еще мирно поживает – с момента ухода из «Дубовой рощи» прошло чуть более двух часов. И Кудесников решил не отказывать себе в удовольствии и посмотреть, как очищают от скверны памятник бывшему вождю. В Москве такого точно не увидишь.

После нескольких уточнений маршрута (аркадьевцы охотно вступали в разговор и давали пространные разъяснения) Арсений вышел на довольно большую площадь, обрамленную несколькими массивными угрюмыми зданиями серого, грязно-желтого и розового цвета. У входа в каждое из них висели солидные доски с золотыми буквами на черном фоне. Доски, да и сам вид зданий свидетельствовали, что на площади расположены исключительно государственные учреждения. Судя по флагу над самым большим из них, это было здание городской администрации города Аркадьева (в прошлом, конечно, горком КПСС).

Ленин возвышался на своем постаменте, прямо посреди площади, спиной, как водится, к властям предрежащим. Рядом припарковалась специальная машина с подвижной платформой, из числа тех, которые используются для замены уличных фонарей. Стоящий на платформе человек в синем комбинезоне мыл Ильичу голову и плечи. Еще один рабочий поливал ленинскую фигуру из шланга. Но главная работа кипела внизу – несколько героических теток, также в синей униформе, скоблили какими-то скребками постамент, производя душераздирающие звуки.

Вокруг памятника расположилась большая толпа зевак. Оттуда периодически неслись ценные советы относительно выполняемых работ. Но в основном народ обменивался мнениями о роли Ленина в истории нашего государства и роли памятника в жизни города Аркадьева. Над толпой реяли несколько красных знамен – коммунисты на всякий случай организовали здесь пикет: вдруг власти все-таки решат демонтировать бесценную реликвию, а вся история со стиранием ругательных надписей так, для отвода глаз?

Кудесников подошел ближе, чтобы рассмотреть происходящее, а заодно почитать, что же такое написали в девяносто первом году шаловливые любители демократии. Если надписи еще не стерли, конечно.

Советская краска, видимо, была хоть куда – бригада по очистке пока многого не добилась, побледнели лишь некоторые буквы, но совсем не исчезли.

Надписи были – закачаешься. Арсений готов был даже переписать их к себе в записную книжку – в назидание потомкам. Наверное, если бы такое богатство мысли и такую цветистую лексику использовали организаторы и оформители нынешнего Дня города, можно было не сомневаться – праздник бы удался на славу.

– Скажите, – Арсений обратился к стоящей рядом девушке, – он так и стоял все время, с этими надписями?

– А что, – хмуро поинтересовалась девушка, – вам не нравится?

– Нет, просто я приезжий, интересуюсь.

– Его специально так оставили. Эти, – девушка махнула рукой в сторону красных флагов, – хотели сначала стереть. Но не смогли. Потом решили задрапировать. Но все их покрывала то ветром сдует, то дождем смоем. Да и вообще у них денег на это нет, пенсионеры же все. А так сюда уже и экскурсии возят – показывать образцы наскального народного творчества. Я тоже друзей всегда вожу – из Москвы, из Питера. Смеются, фотографируются.

В этот момент толпа зашевелилась, и раздались какие-то громкие начальственные голоса. Кудесников стал протискиваться ближе, пока не оказался прямо в первом ряду. Теперь около постаментов, помимо рабочих в синем, стоял дорогой и модно одетый (белый стильный костюм, ботинки за четыреста долларов) мужчина лет тридцати пяти, явно начальственного вида. За его спиной возвышался детина в традиционном для всех охранников дешевом черном костюме. Вид детина имел скучающий – в этом месте никто не мог повредить его боссу. Как они появились, Арсений не видел. Скорее всего, вышли из здания администрации, откуда до памятника рукой подать.

Теперь он отчетливо слышал все, что говорил этот начальственный мужчина. А говорил он вещи примечательные.

– Я вас... сюда... ночью послал... очистить это... к утру! Заработать... дал! До... заработать! А вы... мне тут... цирк шапито устроили! Я вас, козлов и козжих, опущу, если через два часа не закончите!

– Вот он, «праздник нашего города», – ехидно заметил кто-то за спиной Кудесникова.

Вокруг засмеялись. Мужчина резко повернулся и злым, острым взглядом стал шарить по лицам, выискивая автора репризы. Взгляд его неожиданно остановился на Арсении, который с невинным видом наблюдал за происходящим.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.